

10 ЛЕТ ДО ЧЕРНОТЫ

АНДРЕЙ РА

18+

Андрей Ра
10 лет до черноты

«Автор»

2026

Ра А.

10 лет до черноты / А. Ра — «Автор», 2026

Космический ковчег «Аврора» с остатками человечества на борту попадает в гравитационный захват чёрной дыры. Точка невозврата пройдена. Капитан мёртв. Командование принимает его первая помощница. Десять лет до горизонта событий. Десять лет, чтобы найти выход или принять неизбежное. Но главное испытание ждёт не снаружи, за иллюминаторами. Оно ждёт внутри — в сердцах тех, кто заперт в металлической скорлупе на краю вечности. «10 лет до черноты» — это история о людях, которые отказались сдаваться. О любви и потере. О выборе, который делает нас людьми. И о том, что даже в абсолютной тьме можно найти свет

© Ра А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Катастрофа	5
Глава 2. Команда	11
Глава 3. Ближний круг	17
Глава 4. Окно Джейд	25
Запись в бортовой журнал: Конец первого года	32
Глава 5. Подготовка	34
Глава 6. Групповой сеанс	39
Глава 7. Тестовое включение	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

10 лет до черноты

Глава 1. Катастрофа

Сигнал тревоги не разбудил — он вырвал женщину из криосна, как хищник вырывает добычу из норы.

Джейд села, хватаясь за края капсулы, и попыталась собрать разбегающиеся мысли. Сколько она проспала? Судя по ломоте в мышцах и туману в голове — годы. Но пробуждение явно внеплановое. Тело помнило: пробуждение по графику — это тепло, мягкий свет и лёгкое головокружение. Сейчас было другое — жёсткое, грубое, как удар под дых.

Интерфейс личного планшета, встроенный в предплечье скафандра внутреннего ношения, ожил сам собой. Красные строки побежали перед глазами, и норвежка заставила себя сфокусироваться на тексте:

«Критическая гравитационная аномалия. Полная тревога. Протокол „Экстренное пробуждение командного состава“ активирован. Приоритет высший».

Женщина ещё не понимала, что это значит. Вернее — не хотела понимать. Мозг, прошедший военную подготовку в Корпусе Дальней Разведки, уже складывал фрагменты в картину, но какая-то часть сознания отчаянно отказывалась принимать эту картину. Так отказывается верить пассажир тонущего корабля, глядя на приближающуюся воду.

Помощница капитана прыгнула с постаментов капсулы. Босые ноги коснулись ледяного металлического пола — Мара поморщилась, холод обжёг ступни и тут же заставил поджаться пальцы. Система обогрева работала с перебоями. В криосекторе царил хаос: двадцать четыре капсулы командного состава открывались одна за другой, из них поднимались дезориентированные, дрожащие люди. Кто-то ругался сквозь зубы, кто-то пытался вызвать информацию на планшеты, отчаянно тыкая в сенсоры трясущимися пальцами, кто-то просто сидел, обхватив голову руками и раскачиваясь из стороны в сторону.

Она нашла взглядом знакомые лица. Лиам Чен, инженер — уже стоял, вцепившись одной рукой в поручень, а другой что-то быстро просчитывал на развёрнутом голографическом интерфейсе. Губы мужчины беззвучно шевелились — он считал, и по напряжённому лицу было видно, что результаты ему не нравятся. София Камара, навигатор, выбиралась из капсулы с совершенно спокойным лицом — только сжатые добела пальцы, вцепившиеся в край капсулы, выдавали напряжение. Карим Амин, врач, первым делом потянулся к диагностическому браслету, проверяя состояние остальных — привычка, выработанная годами практики. Джаспер Кейн, связист, ещё не до конца проснувшись, уже бормотал что-то про «не вовремя, совсем не вовремя», трогая висок, будто пытаясь унять головную боль. И Анника Вейкко — техник, которая молча, без единого звука, уже шла к техническому терминалу, даже не дожидаясь приказов. Её босые ступни бесшумно ступали по холодному полу, а взгляд был прикован к экрану.

— Мара! — послышался голос Софии, спокойный, почти ледяной, такой же, как всегда. — Капитан не выходит на связь. Иди на мостик. Сейчас.

Что-то в этом «сейчас» заставило норвежку забыть о холоде, о боли в суставах, о тумане в голове. Она сорвалась с места.

Коридоры «Авроры» — длинные, узкие, освещённые только аварийными лентами — уходили в бесконечность. Помощница капитана бежала по ним, и эхо её шагов металось между переборками, как испуганная птица. Корабль был огромен. Двенадцать палуб жилых отсеков, четыре грузовых трюма с колониями в криосне, реакторный отсек, медицинский блок, гидро-

понные сады, и над всем этим — мостик, нервный центр судна. Тридцать два года «Аврора» несла в себе последних представителей человечества к далёкой экзопланете, которая должна была стать новым домом. Двести тысяч человек в криосне. Двадцать четыре члена пробуждаемого экипажа. Тридцать два года полёта — и теперь, судя по красным строкам на интерфейсе, этот полёт окончен.

Мысли у неё неслись быстрее, чем ноги.

«Что значит «гравитационная аномалия»? Откуда она? Навигационные системы должны были зафиксировать любую опасность задолго до сближения. Почему пробуждение аварийное? Почему капитан не отвечает?»

Лифтовая шахта не работала — аварийное отключение энергоснабжения. Джейд бросилась к лестнице, перепрыгивая через ступени. Перила холодили ладонь, дыхание сбивалось, в боку начало колоть. Три палубы вверх, потом технический коридор — узкий, тёмный, пропахший горячим металлом, — потом ещё один трап. Воздух становился всё более разреженным: системы жизнеобеспечения работали на минимальной мощности, и каждый вдох давался с усилием, будто на грудь давил невидимый груз.

У двери на мостик она остановилась.

Дверь была приоткрыта. Из щели тянуло холодом и чем-то ещё — сладковатым, металлическим, тошнотворным. Мара знала этот запах. Слышала его однажды, много лет назад, когда на «Копье» случилась авария и один из техников не успел покинуть отсек.

Изнутри не доносилось ни звука.

Только сирена. Только вой тревоги, от которого уже начинали болеть барабанные перепонки. Женщина поморщилась, тряхнула головой, отгоняя звон, и шагнула вперёд. Ладонь коснулась сенсорной панели — металл был ледяным, — и дверь с шипением отъехала в сторону.

Мостик «Авроры» представлял собой полусферу диаметром в двадцать метров. Панорамные иллюминаторы во всю стену, сейчас затемнённые до предела — автоматика защищала глаза экипажа от возможных ярких вспышек. Рабочие станции: навигация, связь, управление системами, тактический анализ, жизнеобеспечение — каждая со своим набором голографических экранов и сенсорных панелей. Центральное место — кресло капитана, возвышающееся на небольшом подиуме, как трон в центре этого металлического королевства.

В этом кресле, развернувшись к иллюминатору, сидел Элиас Торрес.

В первый миг Маре показалось, что он просто смотрит наружу. Что он жив. Что сейчас он развернётся — медленно, с той своей полуулыбкой, которая всегда появлялась на его лице, когда ситуация требовала предельной собранности, — и скажет: «Мара, рапорт обстановки».

Но капитан не развернулся.

Потому что всё, что находилось выше его плеч, было разбросано по спинке кресла, по приборным панелям, по полу. Багровые капли и тёмные сгустки — повсюду, куда доставал взгляд.

Норвежка почувствовала, как к горлу подступает тошнота, и сглотнула, заставляя себя дышать ровнее. Бластер модели «Скорпион-7» лежал рядом с левой рукой капитана, всё ещё зажатый в окоченевших пальцах. Индикатор на рукоятке показывал: последний выстрел произведён в режиме «максимальная мощность». Дуло было прижато к небу. Кровь и костные фрагменты залили навигационный монитор, кресло, пол — тёмные, уже начавшие подсыхать лужи.

Мара замерла.

Мир сузился до размеров этой картины. Звук сирены исчез — точнее, стал неразличимым фоном, как шум крови в ушах. Краски поблекли. Время остановилось, будто сама вселенная затаила дыхание.

«Торрес.»

Она знала его двенадцать лет. Двенадцать лет совместной службы — сначала на «Копье», потом на «Авроре». Он был её командиром, её ментором, её... Она так и не произнесла это слово даже мысленно. Не позволяла себе. Запретила ещё тогда, в первый год, когда поняла, что смотрит на него дольше, чем следует.

Элиас Торрес. Испанец из старого космического рода. Седина на висках появилась ещё до того, как ковчег покинул орбиту Земли. Глубокие морщины вокруг глаз — такие бывают у тех, кто много лет вглядывается в бездну. Голос — низкий, с лёгким акцентом, способный и отдавать приказы, и успокаивать паникующих. Он всегда знал, что делать. Всегда.

И вот теперь — он...

Женщина медленно подошла к креслу. Обошла его — осторожно, стараясь не наступать в тёмные лужи. Босая ступня скользнула по металлу, оставляя след. Она встала перед погибшим командиром, хотела заставить себя посмотреть на то, что осталось от его лица. Не смогла. Отвела взгляд — и увидела на подлокотнике планшет с открытым файлом. Это было сообщение для неё. Датированное двадцатью минутами ранее:

«Мара, когда ты это прочтёшь, меня уже не будет. Прости. Я не могу ждать. Мы в гравитационном захвате чёрной дыры. Автоматика выдала данные: сорок солнечных масс, горизонт — сто двадцать километров. Я думал, у нас часы. Может быть, минуты. Я не видел смысла ждать. И я не хотел будить вас. Думал — пусть спят. Пусть не знают. Пусть всё кончится быстро, без страха. А потом, когда всё уже было кончено, я посмотрел на цифры ещё раз. И понял, что мог ошибиться. Что данные могли быть неполными. Но проверять было уже поздно. Я поторопился, Мара. И теперь вам придётся жить с тем, от чего я пытался вас уберечь.

Я знаю, что это слабость. Знаю, что ты будешь злиться. Имеешь право, но я не железный. Я просто человек, и я выбираю конец на своих условиях.

Командование переходит к тебе. Ты справишься. Ты лучше меня. Ты всегда была лучше меня.

Я... Спасибо тебе. За всё.

Элиас».

Помощница капитана дочитала. Опустила планшет. Замерла неподвижно, чувствуя, как холод от пола поднимается по ногам, заполняя всё тело.

Элиас. Он знал, что она будет первой на мостике. Он написал это ей. Оставил её. Бросил — как бросают ненужный груз за борт спасательной шлюпки.

Она хотела заплакать. Хотела закричать. Хотела ударить кулаком по подлокотнику — так, чтобы костяшки треснули. Хотела схватить его за плечи и трясти, кричать в то, что осталось от лица: «Как ты мог?! Ты был капитаном! Ты был моим... Как ты мог?!»

Но вместо этого Джейд просто стояла и смотрела на текст. Её пальцы, сжимавшие планшет, онемели.

Эмоции пришли не сразу. Сначала было оцепенение — ледяное, ватное, глухое, будто её саму накрыло волной криосна. Потом, медленно, как поднимающаяся из-за горизонта цунами, начало нарастать чувство потери. Не горя ещё, не злости — просто пустоты. Как будто из груди вынули что-то важное, оставив зияющую дыру, в которую со свистом уходил воздух. Потом пришла злость — холодная, яростная, почти рациональная злость.

Он бросил их. Он бросил ЕЁ. Он — капитан — испугался и сбежал. Оставил ей корабль, команду, двести тысяч человек в криосне, чёрную дыру за бортом. Оставил ей эту ношу и написал «справишься». Какая щедрость, капитан Торрес.

Женщина судорожно выдохнула и заставила себя разжать кулаки. Ногти оставили на ладонях полумесяцы следов — она даже не заметила.

Не время. Сейчас не время.

Она — первый помощник. Теперь — исполняющий обязанности командира. На ней корабль. На ней команда. На ней всё человечество — двести тысяч спящих душ, которые даже не знают, что их будущее только что рассыпалось в прах.

Мара подошла к пульту связи, стараясь не смотреть на брызги крови на экранах. Провела ладонью по сенсору — пальцы дрожали, но она заставила их лечь ровно. Включила общекорабельную трансляцию. Голос — спокойный, чёткий, как на учениях и откуда только силы взялись?

— Внимание, экипаж. Говорит старший помощник Джейд. Капитан Торрес мёртв. Я принимаю командование на себя. Всему командному составу немедленно прибыть на мостик. Повторяю: всему командному составу — на мостик. Конец связи.

Она отключила микрофон. Постояла ещё несколько секунд, прижав пальцы к вискам и глубоко дыша. Потом повернулась к иллюминатору.

Затемнение уже начали снимать — автоматика постепенно адаптировала прозрачность к внешним условиям. Норвежка увидела звёзды. Много звёзд — больше, чем когда-либо видела с Земли. Но вокруг них, искажая свет, змеились неестественные радужные кольца, будто кто-то разлил масло по чёрному бархату. А в центре — там, куда медленно, неотвратимо смещался корабль, — расплзлось пятно абсолютной черноты. Бездна в центре бездны.

Чёрная дыра.

Она видела её впервые. Не на схемах, не на симуляциях — вживую. И от этого зрелища веяло таким холодом, таким непостижимым ужасом, что на мгновение Мара поняла Торреса. Поняла, почему он нажал на спуск. Кому угодно захочется зажмуриться, глядя в такое.

Но только на мгновение.

За спиной открылась дверь.

Первым вошёл Лиам. Он замер на пороге, увидел тело капитана — и побледнел так, что его черты заострились, стали какими-то чужими. Инженер открыл рот, чтобы что-то сказать, но не смог — только беззвучно шевелил губами, как рыба, выброшенная на берег. Рядом с ним стоял Джаспер, который застыл, вцепившись в дверной косяк.

Следом вошла София. Она посмотрела на Торреса, потом на Мару — и молча кивнула. Приняла к сведению. Никаких лишних эмоций. Только желваки на скулах заходили — единственное, что выдало её напряжение.

Потом Карим, Анника. Остальные члены экипажа, кого успели разбудить. Их ужас был почти физически осязаем — густой, плотный, как воздух перед грозой. Кто-то ахнул и прижал ладонь ко рту. Кто-то отвернулся, не в силах смотреть.

Врач первым нарушил тишину. Он подошёл к креслу Элиаса, опустился на колени — не боясь испачкаться, — и попытался закрыть ему глаза. Вернее, попытался — веки были разорваны выстрелом. Тогда он просто положил руку погибшему на плечо и прошептал что-то по-арабски — молитву или просто слова прощания. Его губы беззвучно двигались, а плечи чуть заметно вздрагивали.

— Что случилось? — голос связиста прозвучал неожиданно тихо. Обычно шутливый Джаспер сейчас выглядел потерянным, как ребёнок. Он мял в пальцах край рукава, не отрывая взгляда от кресла.

Исполняющая обязанности капитана повернулась лицом к команде.

— Аврора попала в гравитационный захват чёрной дыры. Точка невозврата пройдена. Капитан Торрес счёл ситуацию безнадёжной и застрелился, — её голос звучал ровно, почти механически, но внутри всё дрожало. — Я приняла командование. Сейчас мы должны оценить ситуацию, понять, есть ли выход, и действовать. Подробный брифинг — через час. А пока... —

она на мгновение запнулась, провела ладонью по волосам, убирая спутанную прядь с лица. — Пока приведите себя в порядок. Через час офицерский состав на мостике, остальные получают необходимую информацию и приказы по своим каналам связи.

Она чувствовала, как внутри неё что-то вибрирует — натянутая до предела струна, готовая лопнуть в любой момент. Но Джейд не позволяла этому случиться. Не сейчас. Не при них.

«Ты — командир. Держись. Просто держись.»

Когда экипаж начал расходиться — молча, подавленно, опустив плечи и пряча глаза, — к ней подошла София.

— Мара, — тихо сказала она, тронув норвежку за локоть. — Ты в порядке? Глупый вопрос, но...

— Живая, — ответила собеседница, не оборачиваясь. — Пока живая.

Навигатор кивнула. Потом её взгляд упал на планшет, который женщина всё ещё сжимала в руке.

— Он оставил сообщение? — спросила Камара.

— Да, — сухо ответила женщина.

— Что написал?

Исполняющая обязанности капитана не ответила. Она просто смотрела на черноту за иллюминатором, и где-то глубоко внутри, под слоем профессионализма и выдержки, медленно разгоралась обида на человека, которого она любила и который оставил её одну.

«Ты справишься. Ты лучше меня.»

— Нет, — прошептала Мара едва слышно. — Я не лучше. Просто ты не оставил мне выбора.

Через час офицеры собрались на мостике. Тело Торреса уже унесли в медицинский отсек — Карим и Мара сделали это быстро и молча. Кровь вытерли, но запах кордита и горелой органики всё ещё висел в воздухе — густой, сладковатый, тошнотворный. Женщина заняла место за центральной консолью — не в капитанском кресле (она не могла заставить себя сесть в него, не сейчас), а за тактическим пультом, стоя. Её пальцы легли на холодную панель, и она на мгновение прикрыла глаза, собираясь с мыслями.

— Вводные данные, — начала Джейд, активируя главный голографический экран. — Семь часов назад автоматические датчики зафиксировали резкое изменение гравитационного фона. «Аврора» вошла в зону захвата неизвестной чёрной дыры, не занесённой в навигационные карты. Первичные данные указывали на объект звёздной массы — около сорока солнечных. Но когда София перепроверила расчёты, картина изменилась. Дыра оказалась сверхмассивной — порядка сорока миллионов солнечных масс. Горизонт событий огромен: около ста двадцати миллионов километров в диаметре. Мы удалены от него на пять астрономических единиц, но гравитация уже превышает критический порог для маршевых двигателей. Скорость нашего падения нарастает.

Она сделала паузу, обвела взглядом лица — бледные, напряжённые, осунувшиеся. Лиам хмурился, постукивая пальцами по подлокотнику. София уже что-то считала на своём планшете, машинально покусывая нижнюю губу. Карим сидел, сложив руки на груди, и его лицо было спокойным — только глаза выдавали тревогу. Анника, как всегда, молча стояла в углу и смотрела на голограмму. Джаспер крутил в пальцах какую-то мелкую деталь — кажется, колпачок от стилуса.

— По расчётам, — продолжила норвежка, — у нас есть около десяти лет до пересечения горизонта событий. Это — ключевой параметр для всех дальнейших решений.

— Десять лет? — Лиам покачал головой и подался вперёд, опершись локтями на колени. — Это же... много. Мы можем успеть найти решение. Должны успеть. Чёрные дыры — не моя специализация, но если гравитация циклична, если есть колебания...

— Ты прав, — перебила его София, выводя на свой навигационный планшет предварительные расчёты, её пальцы летали над сенсорами, практически с неестественной скоростью. — Я уже смотрела данные. Гравитационное поле дыры имеет аномалии. Есть цикл. Примерно каждые восемьдесят семь дней гравитация немного ослабевает — на несколько процентов. Этого всё равно недостаточно для полноценного разгона, но... — она замолчала, изучая цифры, и кончиком стилуса постучала по экрану.

— Но? — исполняющая обязанности капитана повернулась к ней.

— Но если подготовить манёвр, если использовать все резервы энергии, если перегрузить двигатели до предела... — гречанка подняла глаза. — Теоретически, в один из таких циклов мы могли бы попытаться выйти на эллиптическую орбиту вокруг дыры. Не уйти, нет — но отсрочить падение. Выиграть время. Может быть, найти другие варианты.

— Теоретически, — повторил Карим, и в его голосе прозвучала осторожность. — А практически? Какой риск?

— Двигатели не рассчитаны на такие перегрузки. Мы можем потерять их полностью и тогда — падение без шансов.

Повисла пауза — густая, вязкая, как кисель. Слышно было только, как гудит система жизнеобеспечения и как далеко внизу, в грузовых трюмах, спят в криосне двести тысяч человек, не знающих, что их будущее только что сократилось до одной чёрной точки.

Джейд переводила взгляд с одного члена экипажа на другого. Лиам — напряжён, но в глазах огонь, вера в технологии. София — сосредоточена, уже просчитывает варианты. Карим — задумчив, явно думает не о технике, а о людях. Джаспер — нервно постукивает колпачком по панели связи, и этот звук раздражает, но никто не делает ему замечания. Анника — как всегда, молчит, но её глаза быстро бегают по техническим схемам, выискивая что-то, известное только ей.

— Мы попробуем, — сказала норвежка. — Первый манёвр — через год. За это время мы должны подготовить корабль, провести все расчёты и... подготовиться сами. Другого выхода я не вижу, — она сделала паузу и добавила, глядя на пустое капитанское кресло. — Капитан Торрес видел ситуацию как безнадёжную. Я пока так не считаю. Пока есть варианты — мы будем их использовать. Вопросы?

Вопросов не было. Только тишина — и далёкий, едва слышный гул двигателей.

Женщина подошла к иллюминатору и прижалась лбом к холодному стеклу. Чёрная дыра была там. Невидимая, но ощущаемая. Холодная. Бесконечная. Древняя, как сама вселенная.

«Десять лет», — подумала Мара. — «Десять лет до черноты.»

И внутри неё, где-то очень глубоко, всё ещё жила надежда. Хрупкая, как стёклышко на ветру, но живая. Торрес сдался. Она — нет.

По крайней мере, пока.

Глава 2. Команда

Мара не спала трое суток. Это не было чем-то из ряда вон выходящим — за двенадцать лет службы ей случалось выдерживать и более долгие вахты, особенно в первые годы на «Копье», когда они патрулировали пояс Койпера и каждая смена могла обернуться столкновением с пиратами или нестабилизированными астероидами. Но тогда рядом был Торрес. Тогда была цель — служба, долг, миссия. Тогда чёрная дыра не висела в иллюминаторе, как молчаливый приговор, как зрачок хищника, который не моргает.

Теперь она сидела в своей каюте — маленькой, четыре на пять метров, стандартная ячейка для старшего офицерского состава, — и смотрела на голографический экран планшета. Пальцы норвежки машинально скользили по сенсору, увеличивая то один фрагмент, то другой. На трёхмерной модели медленно вращалась «Аврора» — вытянутый цилиндр центрального модуля, четыре грузовых лепестка с криокапсулами, похожие на гигантские соты, маршевые двигатели на корме, маневровые — по периметру. Двести тысяч спящих душ. Двадцать четыре бодрствующих. Двадцать три, мысленно поправила она себя. Двадцать три, если не считать мёртвого капитана.

Джейд провела пальцем по экрану, увеличивая масштаб. Грузовой отсек «Альфа»: восемьдесят тысяч капсул — семьи с детьми, отобранные по генетическому разнообразию, специалисты по терраформированию, биологи, инженеры-строители, все, кто должен был возвести первый город на новой планете. «Бета»: ещё семьдесят тысяч — учёные, врачи, учителя, инженеры, специалисты, которые должны были строить и развивать новый мир. «Гамма»: пятьдесят тысяч — в основном квалифицированные рабочие и техники, руки, которые построят этот мир. «Дельта»: резерв, генетический банк, образцы флоры и фауны Земли — всё, что осталось от планеты, которой больше нет. Все они спали. Все они верили, что проснутся под чужим солнцем и никто из них не знал, что вместо солнца их ждёт бездна.

Женщина отключила экран и потёрла воспалённые глаза. Веки горели, будто под них насыпали песка. Она откинулась на спинку стула и прикрыла глаза — всего на минуту, просто чтобы дать им отдых.

Мара откладывала этот момент трое суток. Сначала — потому что нужно было стабилизировать корабль, проверить системы, убедиться, что криосекторы не пострадали при захвате. Потом — потому что нужно было организовать похороны Торреса. Джейд не смогла заставить себя назвать это «утилизацией биоматериала», как требовал устав, и Карим поддержал её: они вдвоём завернули тело капитана в белый саван из технической ткани и отправили в шлюз. Норвежка прочитала короткую молитву — не религиозную, просто слова, которые пришли сами, — и нажала кнопку разгерметизации. Тело Элиаса Торреса ушло в открытый космос, медленно удаляясь от корабля, пока не растворилось в звёздной черноте. Карим стоял рядом с ней, молча положив руку ей на плечо. Они не сказали друг другу ни слова. Слова были не нужны.

Она не могла собрать их всех вместе и посмотреть им в глаза. Не как исполняющий обязанности командира, отдающий приказы, а как человек, который должен вести их на смерть. Все трое суток Мара откладывала этот момент — говорила себе: «Ещё час. Ещё два. Сначала двигатели, потом криосекторы, потом похороны». Но час шёл за часом, а собрать офицеров женщина так и не решалась.

Но дальше откладывать было нельзя. Трое суток — это максимум, который она могла себе позволить. Дальше начиналось не просто промедление — дальше начиналась трусость. А трусость была непозволительной роскошью для того, кто носит капитанские шевроны. Даже если она их ещё не надела.

— Джейд — офицерскому составу, — произнесла помощница капитана в коммуникатор, и её голос прозвучал глухо, будто через подушку. — Сбор в конференц-зале через тридцать минут. Присутствие обязательно.

Конференц-зал «Авроры» располагался на второй палубе, рядом с гидропонным садом. Это было просторное помещение с круглым столом, способным вместить до тридцати человек, и панорамным иллюминатором, занимавшим всю внешнюю стену. Когда-то здесь планировали проводить научные симпозиумы и собрания колонистов — архитекторы представляли себе оживлённые дискуссии, презентации, споры о методах терраформирования. Теперь это место стало оперативным штабом горстки выживших, а вместо научных докладов здесь звучали сводки о состоянии двигателей и отчёты о моральном духе.

Мара пришла первой. Прошлась вдоль стола, касаясь пальцами спинки стульев — привычка, оставшаяся с тех времён, когда она ещё была старшим помощником и проверяла готовность зала перед совещаниями Торреса. Села не во главе стола — капитанское место оставалось пустым, всё ещё не могла заставить себя занять его, — а сбоку, так, чтобы видеть и стол, и иллюминатор. Она хотела, чтобы чёрная дыра была у них перед глазами. Не как символ безнадёжности — как напоминание о том, с чем они борются. В конце концов, лучший способ не забыть о проблеме — это держать её в поле зрения.

Первым, как и ожидалось, появился Лиам Чен. Инженер вошёл быстрым шагом, с планшетом в одной руке и чашкой синтетического кофе в другой. От чашки поднимался пар — горячий, пахнувший чем-то отдалённо напоминающим настоящий кофе. Невысокий, жилистый, с вечно взъерошенными чёрными волосами и смешливыми морщинками вокруг глаз, он выглядел как человек, который только что вышел из мастерской, а не из криосна трое суток назад. И это было недалеко от истины — Лиам почти всё это время провёл в техническом отсеке, проверяя системы одну за другой, находя утешение в привычной работе.

— Капитан, — он кивнул ей и тут же осёкся, покачал головой и поморщился. — То есть... и.о. капитана. Прости. Привыкну. Дай мне ещё пару дней.

— Мара, — поправила она. — Просто Мара. Пока.

Лиам улыбнулся — открыто, обезоруживающе. У него была та редкая способность сохранять оптимизм в любых обстоятельствах, которая сначала раздражала, а потом начинала казаться единственным, что удерживает реальность от полного распада. Как солнечный луч в герметично закрытом помещении — ему вроде бы неоткуда взяться, но он есть.

— Я тут прикинул кое-что, — он плюхнулся в кресло.

Отхлебнул кофе, скривился, возможно обжёг язык. После развернул голограмму двигательного отсека. Схема засияла синим, и инженер ткнул в неё пальцем.

— Если мы перераспределим нагрузку на маршевые, можно выжать ещё процентов восемь мощности. Анника говорит, что системы охлаждения выдержат, если мы задействуем резервные контуры. Но нужно время на установку дополнительных теплоотводов. Я тут посчитал — примерно две недели работы, если работать в две смены. И ещё...

— Лиам, — мягко перебила Мара, подняв ладонь. — Мы ещё не начали совещание.

— А, да. Точно, — он смущённо свернул голограмму и потёр затылок. — Прости. Я просто... когда я работаю, мне легче. Не думать, понимаешь?

Она понимала. Возможно, лучше, чем кто-либо другой. Работа была её спасением все эти трое суток — работа и бесконечная череда задач, которые нужно было решить, чтобы корабль продолжал лететь.

Следом вошла София Камара. Навигатор двигалась бесшумно — высокая, стройная, с гладко зачёсанными назад тёмными волосами и острыми, как у хищной птицы, чертами лица. Девушка была из тех людей, кто сначала анализирует, а потом чувствует — или, возможно, не чувствует вовсе. Джейд знала её шесть лет и за всё это время ни разу не видела, чтобы София плакала. Даже сейчас, после гибели капитана, после известия о неизбежном падении, её лицо

оставалось спокойным, как поверхность замёрзшего озера. Но норвежка уже научилась читать её — по чуть заметному напряжению в уголках губ, по тому, как она чуть дольше обычного задерживает взгляд на цифрах.

— Я закончила предварительные расчёты, — произнесла гречанка, садясь напротив Лиама и аккуратно расправляя невидимую складку на рукаве. — Цикл действительно составляет восемьдесят семь целых три десятых суток. Амплитуда колебаний гравитационного поля — около семи процентов от пикового значения. Это немного, но достаточно для разгона, если мы правильно подберём момент.

— Но достаточно? — спросила Мара.

— Теоретически — да. Практически — мы работаем на грани. — София провела пальцем по планшету, выводя график. — Любая ошибка в расчётах, любое отклонение в работе двигателей — и мы либо потеряем их, либо корпус не выдержит нарастающих нагрузок раньше, чем мы успеем завершить манёвр. Я бы хотела сказать, что уверена в успехе, но... — она покачала головой и чуть заметно пожала плечами, — я навигатор, а не прорицатель.

— Принято, — кивнула Джейд. — Продолжай моделирование. Чем больше вариантов мы просчитаем, тем выше шанс. Ты сама меня этому учила.

Дверь открылась, и в зал вошли сразу трое: Карим Амин, Джаспер Кейн и Анника Вейкко. Врач — высокий, широкоплечий, с аккуратно подстриженной бородой и глубокими, тёплыми карими глазами — двигался с достоинством человека, который много раз видел смерть и научился не бояться её. Он занял место рядом с Марой — не случайно, подумала она. Как врач, Карим, вероятно, уже отметил её бледность, круги под глазами, лёгкий тремор пальцев, которые женщина пыталась скрыть, сцепив руки в замок. Но ничего не сказал. Пока. Просто сел рядом — молча, спокойно, как садятся рядом с тем, кому нужна поддержка.

Связист плюхнулся в кресло с грацией подстреленного тюленя, заставив Софию чуть поморщиться. Светло-русые волосы австралийца торчали в разные стороны, веснушчатое лицо кривилось в привычной усмешке, но глаза — глаза у него были тревожные, цепкие, неестественно яркие на фоне бледной после криосна кожи. Он сразу же вытащил откуда-то маленький серебристый кулон на цепочке и принялся вертеть его в пальцах.

— Итак, — объявил он, разводя руками, — последние люди в известной Вселенной собираются на совещание, чтобы решить, как им спастись от неминуемой гибели. Звучит как начало анекдота.

— Джаспер, — одёрнула его София, бросив на него короткий взгляд поверх планшета.

— А что? Я серьёзно. Мы в заднице. Глубокой, гравитационно-аномальной заднице, — он отхлебнул кофе из чашки Лиама, которую тот оставил без присмотра, и скривился. — Если мы не будем над этим смеяться, мы просто свихнёмся. Это медицинский факт, спроси у Карима.

— Я бы не стал формулировать именно так, — отозвался врач, и в его голосе промелькнула тень улыбки. — Но в целом ты недалёк от истины. Смех — защитный механизм. Правда, в твоём случае это скорее защитная стена.

— Стена, забор, колючая проволока — что угодно, лишь бы работало, — парировал связист.

Мара неожиданно для себя улыбнулась — краешком губ. Всего на секунду, но это уже было что-то.

— Возможно, ты прав, — сказала она, переводя взгляд с одного офицера на другого. — Но давай сначала разберёмся с технической частью, а потом будем искать поводы для шуток.

Аника, как обычно, ничего не сказала. Она села в самом дальнем углу стола, положила перед собой планшет и принялась что-то чертить стилусом — схемы, расчёты, графики. Её пальцы двигались быстро и точно, без единого лишнего движения. Она была самой молодой из

них — двадцать пять стандартных лет, — но в её молчании чувствовалась такая уверенность, какой Мара не встречала даже у ветеранов с тридцатилетним стажем. Девушка не говорила, потому что ей это было не нужно. Она говорила делом — и каждый её жест был весомее чужих речей.

Джейд оглядела собравшихся. Пятеро. Её ближний круг. Самый важный актив, который у неё есть. Пять человек, с которыми ей предстояло пройти через бездну или упасть в неё.

— Итак, — начала временно исполняющая обязанности капитана, поднимаясь с места и опираясь пальцами о край стола. — Трое суток назад «Аврора» попала в гравитационный захват неизвестной чёрной дыры. Капитан Торрес мёртв. Командование перешло ко мне. Я понимаю, что это огромная ответственность, и я не просила её. Но она у меня есть, и я намерена её нести. До конца. Каким бы он ни был.

Норвежка обвела взглядом лица. Лиам — внимательный, сосредоточенный, подался вперёд, забыв про остывший кофе. София — бесстрастная, анализирующая каждое слово, но пальцы замерли над планшетом. Карим — понимающий, готовый поддержать, чуть заметно кивнул, встретившись с ней взглядом. Джаспер — настороженный, но слушающий, даже перестал вертеть свой кулон. Анника — молчаливая, но явно одобряющая: финка даже оторвалась от планшета и смотрела прямо на Мару.

— Нам предстоит трудный путь. Очень трудный. Десять лет — это много. Достаточно, чтобы попытаться найти выход. Достаточно, чтобы сойти с ума. Достаточно, чтобы перестать быть людьми, — женщина помолчала, давая словам осесть. — Моя задача — сделать так, чтобы мы нашли выход и остались людьми. Но для этого мне нужна ваша помощь. Не как подчинённых — как соратников.

Она нажала кнопку на планшете, и над столом развернулась голограмма с графиком работ — чёткие линии, даты, распределение задач.

— План на ближайший месяц. София — моделирование манёвра и расчёт всех возможных вариантов. Лиам и Анника — подготовка двигателей и систем корабля к перегрузкам. Карим — контроль физического и психического состояния экипажа, включая меня, — Джейд на мгновение встретилась взглядом с врачом, и тот снова чуть заметно кивнул. — Джаспер — связь и мониторинг внешнего пространства. Возможно, мы найдём что-то полезное. Астероиды, планеты, другие объекты. Всё, что можно использовать.

— А ты? — спросил Джаспер, и его пальцы снова принялись накручивать цепочку кулона.

Мара выдержала паузу. Потом криво усмехнулась:

— А я буду командовать. Больше пока ничего не умею.

После совещания она задержалась в зале. Подошла к иллюминатору, прижалась лбом к холодному стеклу. Чёрная дыра была там — невидимый центр, вокруг которого медленно вращалась их судьба. Огромная. Молчаливая. Бездонная.

Джейд думала о Торресе. О том, что он выбрал лёгкий путь — выстрел, и всё кончено. О том, что она всё ещё не простила его. О том, что часть её — маленькая, тёмная, запятанная глубоко внутри, — понимала его поступок. Понимала и от этого злилась ещё больше.

Сзади слышались шаги — мягкие, осторожные.

— Я так и думал, что ты здесь.

Карим. Он подошёл и встал рядом, тоже глядя в иллюминатор. Несколько минут они молчали — просто стояли плечом к плечу, как два солдата на посту.

— Хочешь, скажу, что я вижу? — спросил он наконец, и его голос прозвучал мягко, почти интимно.

— Скажи.

— Я вижу человека, который держится из последних сил. Который не спал трое суток. Который похоронил друга и принял командование над обречённым кораблём, и ни разу не дал себе права на слабость, — он повернулся к ней. — Мара, я врач. Я вижу, когда человек на грани. Ты — на грани. Ещё немного и ты сломаешься, а сломавшийся капитан нам не нужен.

Она хотела возразить, но не смогла. Просто стояла и молчала, чувствуя, как слова застревают в горле.

— Знаешь, что самое опасное в нашей ситуации? — продолжил Амин, и его голос стал ещё тише. — Не чёрная дыра. Не отказ двигателей. Даже не страх. Самое опасное — это одиночество командира. Когда капитан думает, что должен нести всё сам. Что не имеет права на ошибку, на усталость, на слёзы. Однажды это просто ломается. Как Торрес.

Мара вспомнила бластер в окоченевших пальцах Элиаса. Вспомнила кровь на навигационном мониторе. Вспомнила его сообщение: «Я просто человек».

— Я не сломаюсь, — сказала она тихо.

— Я знаю. Поэтому я и говорю тебе это сейчас, а не когда будет поздно, — собеседник положил руку ей на плечо — тёплую, тяжёлую, надёжную. — Ты не одна, Мара. У тебя есть мы. Все мы — твоя команда, твоя опора. Позволь нам быть рядом. Не замыкайся. Не повторяй его путь.

Женщина молчала долго — целую вечность, если мерить по ударам сердца. Потом кивнула — коротко, почти незаметно.

— Спасибо, Карим.

— Это моя работа, — он улыбнулся, отчего его лицо сразу стало моложе, и легонько сжал её плечо. — Ну, иди спать. Это приказ врача. Завтра у нас много дел и пожалуйста, съешь что-нибудь, прежде чем лечь. Ты выглядишь так, будто забываешь есть.

Когда он ушёл, норвежка ещё несколько минут стояла у иллюминатора. Потом развернулась и направилась к двери. Но прежде чем выйти, остановилась и обернулась через плечо.

— Я справлюсь, Элиас, — прошептала она в пустоту. — Я справлюсь. Не ради тебя. Ради них.

В коридоре, ведущем к каютам, она столкнулась с Джаспером. Связист сидел на полу, прислонившись спиной к переборке, вытянув ноги, и крутил в руках маленький серебристый кулон на цепочке — тот самый, что вертел на совещании. Его пальцы двигались машинально, а взгляд был устремлён куда-то в пустоту.

— Не помешаю? — спросила женщина, останавливаясь в паре шагов.

— Капитан — никогда, — он убрал кулон в карман, поднялся и отряхнул комбинезон. — Слушай, Мара. Я хотел сказать... Там, на совещании, я опять со своими шуточками. Знаю, это раздражает. София на меня так посмотрела, что я думал испепелит. Просто...

— Это твой способ справляться, — перебила она, прислоняясь плечом к переборке. — Я понимаю. У каждого свой.

Австралиец кивнул. Помолчал, переступил с ноги на ногу. Потом вдруг сказал — тихо, без обычной усмешки:

— Знаешь, что я видел последним, перед тем как мы ушли с Земли?

— Что?

— Кенгуру. В Сиднейском зоопарке. Я пришёл туда за день до отлёта и просто смотрел, как они прыгают. Глупо, да? Весь мир рушится, а я смотрю на кенгуру, — он невесело усмехнулся и потёр переносицу. — Я тогда подумал: «Вот оно. Последнее, что я запомню о Земле — это кенгуру». А теперь получается, что это и есть моё последнее воспоминание о доме. О том, что мы потеряли.

Мара не нашлась что ответить. Она просто стояла и слушала, скрестив руки на груди.

— Я не боюсь умереть, — произнёс связист. — Я боюсь, что всё это было зря. Что мы летели через полгалактики только для того, чтобы одна дурацкая чёрная дыра сожрала нас на завтрак. Это... обидно, понимаешь? — он поднял на неё глаза. — До чёртиков обидно.

— Понимаю, — ответила собеседница.

— Но знаешь что? — он вдруг улыбнулся, и на этот раз улыбка была почти настоящей — не маска, не защитная стена, а что-то живое. — Если уж мне суждено сдохнуть в чёрной дыре, то пусть это будет самая весёлая чёрная дыра в истории. Я обещаю. Буду шутить до последнего. Даже когда горизонт событий начнёт поджаривать нам задницы.

Норвежка не выдержала и фыркнула.

— Спокойной ночи, Джаспер.

— Спокойной ночи, капитан, — он отсалютовал ей двумя пальцами и, сунув руки в карманы, зашагал прочь.

Женщина зашла в свою каюту, закрыла дверь и впервые за трое суток позволила себе просто лечь на койку, не раздеваясь, и закрыть глаза. Мышцы ныли, веки горели, в висках стучало.

Перед тем как провалиться в сон, Джейд поймала себя на мысли: «Капитан. Он назвал меня капитаном».

И эта мысль почему-то не испугала её.

Глава 3. Ближний круг

На четвёртые сутки после катастрофы Мара Джейд проснулась с мыслью, что вселенная стала меньше. Это было странное, иррациональное ощущение — не физическое, а скорее экзистенциальное. Раньше, когда она стояла на мостике «Авроры» и смотрела в иллюминатор, то видела бесконечность. Звёзды, туманности, спиральные рукава далёких галактик — всё это обещало простор, движение, свободу. Вселенная была огромной, и где-то в этой огромности, за миллиардами километров пустоты, находился их новый дом. Теперь же реальность сжалась до размеров чёрного диска, висящего в центре панорамного окна. Мир стал конечным. Измеримым. Обречённым.

Дыра росла в иллюминаторе — идеально круглый, абсолютно чёрный зрачок, окружённый радужным ореолом аккреционного диска. С каждым днём она становилась чуть больше. Совсем чуть-чуть — на миллиметры, незаметные невооружённому глазу, но приборы фиксировали рост с безжалостной точностью, и каждая новая сводка напоминала: время уходит. Бездна приближается. Обратного пути нет.

Норвежка стояла перед зеркалом в своей каюте и впервые за четверо суток внимательно посмотрела на себя — не мельком, не вполглаза, а по-настоящему. Из отражения на неё глядела женщина, которую она не сразу узнала. Пепельно-светлые волосы, обычно собранные в тугий узел, сейчас висели спутанными прядями, руки так и не дошли привести их в порядок. Серые глаза покраснели и запали, под ними залегли тёмные круги, следствие бессонных ночей и бесконечного потока адреналина. Черты лица заострились, скулы выступили резче, чем обычно. Джейд всегда была скорее жилистой, чем худой — двенадцать лет службы не оставляли места для лишнего веса, но сейчас она выглядела так, будто потеряла килограмм пять за последние дни. А может, так оно и было. она не помнила, когда в последний раз нормально ела.

— Ну и видок, — пробормотала Мара своему отражению и плеснула в лицо холодной водой из умывальника.

Вода пахла металлом и фильтрами — рециркулированная, безжизненная, но это была вода, и женщина была благодарна ей. Затем собрала волосы в тугий хвост — не узел, это подождёт до лучших времён, но хотя бы хвост. Надела чистый комбинезон — серый, стандартный, с нашивкой «Аврора» на груди и знаками различия старшего помощника на воротнике. Замерла, глядя на серебристые шевроны. Знаки старшего помощника капитана, не капитана. Джейд до сих пор не сменила их и дело было не в бюрократической формальности. Сменить шевроны означало признать, что Торрес мёртв окончательно и бесповоротно, что она — капитан. Что это её корабль, её команда, её ответственность.

Мара не была готова. Пока.

Над койкой висела голографическая репродукция «Звёздной ночи» Ван Гога — подарок сестры, оставшийся на Земле. На полке стояла настоящая, не реплицированная книга — бумажный томик древнескандинавских саг на старонорвежском, переданный бабушкой. Исполняющая обязанности капитана не открывала его уже несколько лет, но само присутствие книги успокаивало — как якорь, связывающий её с чем-то настоящим, не цифровым, не синтетическим.

На столе лежал планшет Торреса. Она забрала его с мостика в тот первый час, пока тело капитана ещё находилось в кресле. Не из сентиментальности — из практичности. В планшете могли быть данные, расчёты, заметки — всё, что Элиас успел сделать перед смертью. Мара сказала себе, что это важно для миссии, но была и другая причина та, которую она не проговаривала даже мысленно. Та, от которой перехватывало дыхание при каждой попытке взять планшет в руки.

Женщина хотела понять. Понять, что происходило в голове человека, которого знала двенадцать лет, в последние часы его жизни. Понять, почему он сдался. Понять, было ли его решение мгновенным импульсом или холодным расчётом. И, самое главное, понять, не ждёт ли её сама та же судьба, не придёт ли и она однажды к тому же выводу.

Планшет лежал на столе, и каждый раз, проходя мимо, норвежка чувствовала его присутствие — немой укор, вопрос без ответа, чёрный экран, скрывающий чужие тайны. Джейд пока не включала его. Не могла заставить себя увидеть файлы Элиаса, его записи, его голос, но он был там. Ждал.

Мара вышла из каюты и направилась в гидропонный сад — единственное место на корабле, где ещё можно было дышать полной грудью. Гидропонный сад «Авроры» располагался на третьей палубе и занимал пространство размером с теннисный корт. Высокие, в два человеческих роста стеллажи с растениями тянулись ровными рядами, источая запах влажной земли и хлорофилла. Здесь выращивали овощи: помидоры, огурцы, салат, перец, бобовые культуры. Здесь цвели цветы — небольшая секция, выделенная по личной просьбе психологов миссии ещё на Земле. Считалось, что вид живых растений снижает уровень стресса у экипажа. Сейчас эта теория проходила самую суровую проверку в истории космонавтики.

Запах был настолько настоящим, настолько земным, что у женщины на мгновение перехватило дыхание. Она вспомнила лето в Норвегии — белые ночи над фьордами, когда солнце едва касается горизонта и снова поднимается, запах морской соли и нагретой хвои, крики чаек над водой. Настоящая Земля. Не та, мёртвая, покинутая, оставшаяся в миллионах парсеков позади. А та, из воспоминаний, из снов, из детства, которое никогда не повторится.

Женщина тряхнула головой, отгоняя воспоминания. Сейчас не время для ностальгии.

В саду уже были люди. Лиам стоял у стеллажа с помидорами и что-то обсуждал с Анникой. Точнее — обсуждал инженер, оживлённо жестикулируя и едва не задевая рукой свисающие стебли, а девушка молча кивала, одновременно просматривая что-то на своём планшете. При виде этой сцены помощница капитана почувствовала что-то похожее на умиление — странное, почти неуместное чувство в сложившихся обстоятельствах.

— Капитан! — окликнул её Чен и тут же поправился. — То есть Мара. Ты как раз вовремя.

— Что у вас? — спросила она походя.

— У нас проблема и одновременно возможность, — он повернул к ней голографический экран своего планшета. — Мы с Анникой провели полную диагностику двигателей. Маршевые в порядке на удивление, учитывая гравитационные нагрузки. Но маневровые... — Чен покачал головой. — Три из восьми на грани отказа. Они не рассчитаны на такое поле.

— Мы можем их заменить?

— В том-то и дело, что да. У нас есть запасные комплекты в трюме, но чтобы их установить, нужно выйти в открытый космос, — инженер потёр подбородок. — А это...

— А это рискованно, — закончила за него финка, не поднимая глаз от планшета. — Гравитационное поле нестабильно. Любой выход за борт, потенциальная угроза. Гравитационные колебания вблизи корабля слишком непредсказуемы — трос может натянуться до предела и лопнуть, или нас отбросит от корпуса.

Исполняющая обязанности капитана задумалась, машинально проведя пальцами по ближайшему стеблю помидора. Выход в открытый космос вблизи чёрной дыры звучал как самоубийственная авантюра, но без маневровых двигателей они не смогут осуществить задуманное. Замкнутый круг, из которого не было выхода.

— Сколько времени займёт замена одного двигателя?

— Четыре часа двенадцать минут, — ответила Анника, сверившись с планшетом. — Это при идеальных условиях. Демонтаж старого, установка нового, полная проверка систем. Меньше никак, даже если работать без перерыва.

— А окно стабильности?

— Четыре часа двадцать семь минут, — раздался голос от двери, София вошла в сад, держа в руках планшет с уже развёрнутой голограммой. — Я пересчитала цикл более тщательно. Пиковое ослабление гравитации длится именно столько. У вас будет запас всего в пятнадцать минут.

В саду повисла тишина, нарушаемая только тихим гулом гидропонных насосов и далёким рокотом реактора.

— Пятнадцать минут, — медленно повторила Мара. — Это очень мало.

— Это достаточно, — твёрдо сказала Вейкко. — Если не случится ничего непредвиденного.

— А в космосе всегда случается что-то непредвиденное, — мрачно добавила гречанка и поправила выбившуюся прядь волос.

Лиам, который всё это время молча переводил взгляд с одного лица на другое, вдруг широко улыбнулся. Той самой улыбкой, которая одновременно раздражала и обнадеживала, как солнечный луч в пасмурный день.

— Значит, просто сделаем всё быстро, — сказал он и хлопнул ладонью по стеллажу. — Один двигатель за выход. Три выхода — три окна. Это займёт больше времени, но зато мы не рискуем по-глупому. И вообще, когда это нас останавливали дурацкие риски?

— Три окна, — задумчиво произнесла норвежка. — Это почти девять месяцев с учётом циклов. Мы успеем до манёвра?

— Должны успеть, — ответила София. — Первый выход в ближайшее окно. Второй через восемьдесят семь дней. Третий также через восемьдесят семь. С запасом по времени. Если, конечно, их не убьёт в процессе.

— Обнадеживает, — пробормотал Лиам.

Джейд перевела взгляд на голограмму, которую всё ещё держал инженер. Три двигателя. Три выхода. Три окна по четыре часа двадцать семь минут. Каждый раз риск, холодный металл под пальцами и бездна под ногами. Каждый раз пятнадцать минут форы, которые могут испариться в любой момент, но выбора не было. Им всем нужен был этот манёвр, как утопающему нужен глоток воздуха.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Один выход — один двигатель. Готовьтесь к первому. София — предоставь мне полный профиль гравитационных колебаний на ближайшее окно. Я хочу знать каждый скачок, каждый всплеск. Если риск превысит допустимый — выход отменяем.

— Есть, — кивнула Камара.

— И ещё, — добавила Мара, глядя на Лиам и Аннику. — Никакого героизма. Если что-то пойдёт не так, вы немедленно возвращаетесь. Двигатели можно заменить в следующее окно, а вот вас нельзя. Приказ понятен?

— Принято, капитан, — ответил Чен, и на этот раз в его голосе не было ни тени шутки.

Конференц-зал снова превратился в оперативный штаб, хотя с прошлого раза в нём мало что изменилось — голограммы, графики, цветные линии траекторий, испещрившие всё пространство над столом. София развернула трёхмерную модель системы «Аврора — чёрная дыра» — впечатляющее зрелище, от которого захватывало дух даже у тех, кто видел его не в первый раз. В центре пульсировал тёмно-фиолетовый шар горизонта событий, вокруг него вращалось раскалённое кольцо аккреционного диска, а на периферии, медленно смещаясь по спирали, висела крошечная точка — их корабль. Бусинка на нитке, падающая в пропасть.

— Это модель текущей ситуации, — пояснила навигатор, выделяя траекторию красной пунктирной линией. — Мы движемся по сужающейся спирали. Примерно через девять лет и одиннадцать месяцев — плюс-минус пара недель — достигнем горизонта событий. Что произойдёт потом... — она сделала паузу, обвела взглядом собравшихся, — никто не знает. Физика за горизонтом — чистая теория. Там заканчивается всё, что мы понимаем о вселенной.

— Но мы не собираемся это проверять, — твёрдо сказала Мара.

— Не собираемся, — гречанка кивнула и переключила модель, вызвав новое изображение. — Теперь цикл. Я назвала его «окном Джейд». Мара, не смотри на меня так. У каждого окна должен быть тот, в честь кого оно работает

— Я не...

— Окно Джейд, — повторила София, и в голосе её впервые за всё время прозвучало что-то почти человеческое не цифры, не формулы, а что-то живое. — Каждые восемьдесят семь дней и семь часов гравитационное поле дыры ослабевает примерно на шесть целых восемь десятых процента. Это происходит из-за неравномерности аккреционного диска — он вращается не идеально, и когда плотные сгустки материи уходят за горизонт, общая масса, влияющая на нас, немного снижается. На очень короткое время — около четырёх часов двадцати семи минут — гравитация падает до уровня, при котором маршевые двигатели могут работать. Всего четыре с половиной часа, но это наш шанс.

— Четыре с половиной часа, — задумчиво произнёс Карим, сидевший в углу с медицинским планшетом. — Это больше, чем я ожидал, если честно.

— Это и много, и мало одновременно, — ответила Камара. — Для замены одного двигателя достаточно, у ребят будет почти пятнадцать минут запаса. А вот для полноценного манёвра... — она покачала головой, и свет голограммы отразился в её тёмных глазах. — Мара, ты же понимаешь, что за четыре с половиной часа мы не выйдем на стабильную орбиту? Это только первый шаг. Нам нужно будет использовать каждое окно на протяжении нескольких циклов — возможно, нескольких лет, — чтобы постепенно корректировать траекторию. Маленькими шагами. По крупитцам.

— Понимаю, — кивнула Джейд. — Но первый шаг, самый важный. Если мы не сделаем его, остальные не понадобятся.

— Верно, — София вывела на экран столбцы цифр — длинные, подробные расчёты, от которых рябило в глазах. — Я построила двадцать семь моделей. Шансы на успех первого корректирующего манёвра колеблются от двадцати восьми до тридцати двух процентов в зависимости от гравитационных условий в момент окна. Это без учёта возможных отказов оборудования и человеческого фактора.

— Тридцать два процента, — медленно повторил Джаспер, который всё это время сидел молча, крутя в пальцах свой серебристый кулон. — В покере, София, я блефовал с парой джок против фулл-хауса и выигрывал. Тридцать два процента по сравнению с этим просто подарок

— Это не покер, связист, — отрезала она, но в голосе её промелькнуло что-то похожее на симпатию.

— Я знаю, — австралиец убрал кулон в карман и поднялся, разминая затёкшие плечи. — Но если у нас есть почти треть шанса — этого достаточно, чтобы бороться. Я своё слово сказал.

Норвежка смотрела на голограмму, чувствуя, как внутри медленно разгорается что-то, почти забытое за последние дни. Чёрный шар в центре, окружённый огнём. Крошечная точка «Авроры» на спирали. Тридцать два процента — отчаянно мало, почти ничего, но это было что-то. Это была хрупкая надежда, почти иллюзорная, но надежда. А надежда — это топливо, которое не кончается, пока ты жив.

— Мы будем готовиться, — сказала она наконец. — София, продолжай расчёты. Лиам, Анника, готовьте первый выход. Три двигателя, три окна. Начинаем в ближайший цикл. Карим — продолжай обследование, я жду результатов.

— А я? — спросил Джаспер.

— А ты слушай эфир. Любой сигнал, любую аномалию, всё, что может помочь. Ты у нас глаза и уши.

— Принято, капитан, — связист кивнул и, сунув руки в карманы, направился к двери.

Медицинский отсек «Авроры» был царством Карима Амина — и он управлял этим царством с уверенностью человека, который знает каждый уголок, каждый инструмент, каждую ампулу в шкафу. Отсек занимал почти всю четвёртую палубу: просторная операционная с автоматическими хирургическими модулями, диагностический центр с томографами и сканерами, реабилитационная зона с физиотерапевтическим оборудованием, изолятор для инфекционных больных, который к счастью, пустовал с момента старта и кабинет главного врача. Небольшая комната с настоящим деревянным столом, на котором стояла фотография в рамке.

На фотографии была изображена женщина с добрыми глазами и двумя детьми — мальчиком и девочкой лет десяти. Жена и дети Карима. Они остались на Земле. Не как все остальные — не потому, что не прошли отбор, а потому, что сам врач отказался брать их с собой. Это был его выбор, самый трудный выбор в его жизни.

Он знал, что «Аврора» — билет в один конец. Знал, что колонистам предстоит строить новый мир с нуля, в условиях, которые никто не мог предсказать. Карим не хотел, чтобы его дети стали подопытными кроликами в этом эксперименте. Его жена Ясмин согласилась, не сразу, после долгих споров, слёз и бессонных ночей, но согласилась. Они остались на Земле, чтобы жить свою жизнь, какой бы короткой она ни была. Амин же отправился к звёздам, чтобы спасти чужие жизни. Чужие, но теперь ставшие ему ближе родных. Теперь он спасал их здесь — двадцать три человека, запертых в металлической скорлупе на краю вечности.

Медицинское обследование экипажа заняло у врача почти три дня. Двадцать три человека, и он проводил каждого через полный цикл: томография, анализ крови, стресс-тесты, психологическое анкетирование. Записывал, анализировал, сравнивал. Его ассистентка, молодая женщина по имени Хина, помогала с бумажной работой — подавала файлы, готовила инструменты, заваривала кофе, когда у Карима начинали слипаться глаза. Она работала с ним ещё с первого года полёта — тихая, незаметная, но незаменимая, как воздух.

Вечером того же дня Мара пришла в медицинский отсек. Она намеренно откладывала свой визит до последнего — не из страха перед врачами, а потому что хотела сначала получить полную картину по экипажу. Капитан должен знать состояние своей команды, прежде чем думать о себе. Старое правило, вбитое ещё Торресом: сначала корабль, потом экипаж, потом ты сам.

— Заходи Мара, — сказал Карим, не оборачиваясь, он стоял у диагностического терминала, просматривая последние сводки, и по его осанке чувствовалось, что он устал не меньше остальных. — Я ждал тебя. Садись.

Джейд прошла в кабинет и опустилась в кресло напротив стола. Врач повернулся к ней, он снял свой медицинский халат, оставшись в простой серой футболке, которая обтягивала его широкие плечи. Выглядел Амин утомлённым, но довольным — как человек, который сделал важную работу и готов поделиться результатами.

— Ты просила полное обследование, — произнёс он. — Я его провёл. Двадцать три человека, полный цикл. Хина мне всю душу вымотала с бумагами, но всё готово.

— И как мы? — спросила норвежка.

— Если коротко — живые. Если подробно... — доктор развернул на стене голографический экран с медицинскими картами. — Я отправил полный отчёт тебе на планшет, можешь изучить на досуге. А сейчас — только самое важное. То, что нужно знать прямо сейчас, — он выделил несколько карт, подсветив их синим. — Начну с офицерского состава. Ты их знаешь

лучше всех, но кое-что может удивить. Лиам. Физически в отличной форме. Молодой, выносливый, сердце как у марафонца, но психически... — врач поколебался, подбирая слова. — У него гиперактивный режим. Он работает по шестнадцать часов в сутки, потому что не может остановиться. Когда он работает — он не думает, а когда не работает — не боится. Это защитный эффективный механизм, но и опасный. Рано или поздно Лиам выгорит. Как перегоревшая лампочка, вроде целая, а свет уже не даёт.

Норвежка кивнула. Она и сама замечала это за инженером, его лихорадочную активность, неспособность сидеть на месте, эту постоянную потребность что-то чинить, калибровать, настраивать.

— София, — Карим переключил карту, и на экране появились новые графики. — Вот тут интересный случай. У неё алекситимия — трудности в распознавании и выражении эмоций. Это не болезнь, это особенность психики, врождённая, с которой живут годами. Она чувствует всё так же, как мы, но не может это выразить — словами, жестами, мимикой. Поэтому кажется холодной. На самом деле она переживает, возможно, глубже, чем любой из нас. Просто никто об этом не знает.

— Анника, — продолжал он, переходя к следующей карте. — Самая младшая и, как ни странно, самая стабильная из всех. Она из семьи, где несколько поколений страдали расстройствами аутистического спектра. Сама Вейкко не подтверждает диагноз, но кое-какие признаки есть. Селективный мутизм, гиперфокус, сенсорная чувствительность. В нормальной жизни это создавало бы трудности. Ей было бы сложно общаться, работать в коллективе, строить отношения. Здесь, — Амин обвёл рукой стены медицинского отсека, — это её суперсила. Она может работать с техникой так, как никто из нас не умеет. Она, можно так сказать, буквально слышит корабль.

— Джаспер, — доктор вздохнул и потёр переносицу. — Ты видела его шутки. Это маска. Классическая. Под ней глубокая депрессия, которая тянется ещё с Земли. Он спит хуже всех на корабле, и я нахожу его в самых неожиданных местах по ночам: то в саду, то в технических коридорах, то у дверей рубки связи. Он что-то ищет. Что именно не говорит. Возможно, даже сам не знает.

Амин нажал кнопку и перешёл к следующему блоку — краткие пометки по остальным членам экипажа, которые заполнили экран ровными строчками.

— Остальные семнадцать человек из младшего состава. Я не буду перечислять всех подробно — повторюсь, полный отчёт у тебя на планшете, с графиками и диаграммами, но в целом картина такая. Физически все в пределах нормы. Последствия криосна минимальны. Спасибо современным технологиям и протоколам подготовки, а вот психологически... — он выделил несколько строчек, и они замигали тревожным жёлтым. — У четверых повышенная тревожность. У двоих симптомы начинающейся депрессии. Ещё у троих проблемы со сном, хронический недосып. Один случай пограничного состояния — техник из второго отсека Маркус Вебер, он тяжелее всех перенёс новость о чёрной дыре. Я назначил ему седативные и дополнительные сеансы, будем наблюдать. В целом, мы держимся, но это пока. Дальше будет труднее. Гораздо труднее.

— Насколько труднее? — спросила Джейд, подавшись вперёд.

— Зависит от нас, — честно ответил Карим и отключил экран. — Если мы сможем поддерживать друг друга, если у людей будет цель и надежда, то справимся. Если начнём замыкаться, терять связь друг с другом... развалимся. Это простая арифметика выживания. Два плюс два четыре, хоть на Земле, хоть на краю чёрной дыры.

Он выключил экран и повернулся к Маре.

— А теперь ты, — произнёс врач, и его голос стал мягче. — Ты просила полное обследование экипажа, я его провёл. Ты была последней в очереди. Это осознанное решение?

— Да, — ответила норвежка. — Капитан должен сначала узнать о своей команде, а потом уже о себе. Торрес всегда так делал.

— Это благородно и глупо, — Амин указал на кушетку. — Ложись. И не спорь со мной.

Диагностический сканер гудел негромко, убаюкивая, как далёкий прибой. Мара лежала с закрытыми глазами, чувствуя, как тёплые сенсоры скользят вдоль тела, считывая показатели — пульс, давление, температуру, электрическую активность мозга. Она ненавидела это ощущение. Ощущение уязвимости, беспомощности, как будто с неё сняли не только комбинезон, но и кожу. Женщина всегда была сильной. С детства, когда росла с тремя старшими братьями и научилась давать сдачи раньше, чем читать. В Академии, когда была единственной женщиной на курсе дальней космической навигации. На службе, когда пробивалась через интриги и предрассудки к званию старшего помощника. Она привыкла быть сильной — это стало её второй натурой, её бронёй. Но сейчас, лёжа под сканером, Джейд чувствовала себя маленькой и беззащитной, как ребёнок, которого впервые оставили одного в тёмной комнате.

Карим изучал показатели на своём планшете, и выражение его лица становилось всё более озабоченным. Он хмурился, покусывал губу, что-то беззвучно шептал.

— Кортизол повышен втрое, — пробормотал он, не отрываясь от цифр. — Фаза быстрого сна нарушена, у тебя его почти нет. Мышечное напряжение запредельное. Ты как натянутая пружина, Мара. Ещё немного и лопнешь. В прямом смысле — нервный срыв, и мы останемся без капитана.

— Я справлюсь, — сказала Джейд привычную фразу, она повторяла её так часто, что слова уже потеряли вкус.

— Да, ты справляешься. Пока. Но это не может длиться вечно, — врач отложил планшет, потёр глаза и сел рядом с кушеткой. — Знаешь, что погубило Торреса?

Помощница капитана напряглась, её пальцы сжались в кулаки. Любое упоминание Элиаса было для неё всё ещё тяжёлым и поднимало из глубины души противоречивую смесь из обиды, любви и злости.

— При чём здесь...

— При том. Я проводил его последнее обследование за месяц до катастрофы. Он был в таком же состоянии, как ты сейчас. Кортизол, адреналин, хронический недосып, весь полный набор. Он горел изнутри, Мара, как свеча, которую жгут с двух сторон. И когда случился кризис, у него не осталось ресурса, чтобы справиться. Он просто... погас.

— Откуда ты знаешь? — спросила она тихо. — Ты не можешь знать, почему он это сделал.

— Не могу, но могу предположить, — Амин вздохнул и провёл ладонью по бороде. — Торрес был хорошим капитаном, но он был одинок. Он нёс всё в себе и ни с кем не делился. Даже со мной, а я, прости за нескромность, умею разговорить людей. Это моя работа. Только с ним не сработало. Элиас просто... угас, перегорел и когда пришла беда, сил бороться у него уже не было. Я видел это, но ничего не смог сделать и это моя величайшая ошибка.

Джейд молчала, глядя в потолок, где-то над головой гудела вентиляция, где-то в стороне пикал один из медицинских аппаратов и слышался звон пузырьков, выставляемых Хиной на полки за стеной.

— Я не хочу, чтобы то же самое случилось с тобой, — продолжал собеседник, и его голос стал жёстче. — Поэтому у меня к тебе предложение, не как к капитану, а как к пациенту. Раз в два дня, полный восьмичасовой сон, с медикаментозной поддержкой, если понадобится. Раз в неделю, разговор со мной. Не отчёт, не рапорт, не сводка о состоянии двигателей. Просто разговор двух людей за чашкой чая. И ещё, начни есть, по-настоящему есть, а не протеиновые батончики на ходу. В столовой подают нормальную еду, между прочим.

— Это приказ? — спросила женщина, и в голосе её промелькнула тень улыбки.

— Рекомендация, но я надеюсь, что ты достаточно умна, чтобы ей последовать.

Мара села на кушетке и посмотрела на врача. В его карих глазах читалась искренняя тревога — не профессиональная, не врачебная, а человеческая.

— Ты думаешь, это поможет?

— Я думаю, что это даст нам шанс. Не только тебе, всем нам. Потому что если капитан сломается, то сломается всё. Ты — ось, на которой держится этот корабль, и я не хочу проверять, что будет, если ось треснет, — его серьёзное лицо на миг стлало более радушным. — К тому же нам нечем тебя заменить, — Карим, как и его пациентка натянуто улыбнулся. — Прости, хотел поднять настроение, шутки у меня выходят явно хуже чем у Джаспера.

— Хорошо, — Мара кивнула, медленно, всё ещё не до конца убеждённая, но готовая попробовать. — Я попробую

— Вот и отлично, — доктор хлопнул ладонью по колену и поднялся, разминая затёкшую спину. — Отчёт по всему экипажу, повторяю, у тебя на планшете. Изучи, когда будет время, а сейчас иди спать. Это врачебная рекомендация.

— Которая звучит как приказ.

— Потому что это и есть приказ, — Амин улыбнулся и направился к двери, чтобы проводить пациентку. — Просто я слишком вежлив, чтобы называть вещи своими именами. Хина, завари нам чай на завтра и проверь наличие мелатонина на складе — кажется, нам всем скоро понадобится.

Ассистентка, немолодая женщина с усталым, но добрым лицом, кивнула и что-то пометила в своём планшете. Мара видела её и раньше. Хина работала в медицинском отсеке с самого старта, но только сейчас обратила внимание на то, как мягко она двигается, как тихо говорит, как успокаивающе действует на пациентов одним своим присутствием. Карим явно знал, кого брать в помощники.

Глава 4. Окно Джейд

Вечером того же дня, уже четвёртого дня после катастрофы, Мара стояла в техническом коридоре у шлюзового отсека и смотрела, как Лиам с Анникой готовятся к первому выходу в открытый космос.

Это было похоже на ритуал, медленный, тщательный, почти медитативный, в котором каждое движение имело смысл и цену.

Сначала — проверка скафандров. Инженер осматривал каждый шов, каждый клапан, каждый датчик с той же дотошностью, с какой проверял свои любимые двигатели. Его пальцы двигались быстро, но без суеты, он делал это тысячи раз, и руки помнили каждое движение. Финка стояла рядом, повторяя ту же процедуру со своим скафандром, но ещё более тщательно, если такое вообще было возможно. Она проводила ладонью по каждому сочленению, задерживая дыхание, прислушиваясь к тактильным ощущениям — так музыкант настраивает инструмент перед концертом. Её губы беззвучно шевелились. Девушка считала, проверяя герметичность по секундам.

Потом облачение. Скафандры были тяжёлыми, неуклюжими с виду; с бронированными пластинами на груди и спине; с усиленными сочленениями на руках и ногах; с громоздкими ранцами систем жизнеобеспечения, но двигались они в них с грацией опытных ныряльщиков, привыкших к невесомости. Чен что-то тихо напевал, Мара узнала мелодию старой китайской песни, которую он иногда мурлыкал за работой, пока Вейкко молча проверяла герметичность его перчаток, затягивая манжеты до щелчка. Между ними было то особое взаимопонимание, которое возникает у людей, много раз доверявших друг другу жизнь.

— Время выхода — четыре часа двенадцать минут, — произнесла Анника, проверяя хронометр на запястье. — Окно стабильности — четыре часа двадцать семь минут. Запас — пятнадцать минут. Один двигатель.

— Уложимся, — уверенно сказал Лиам. — Мы же профи, лучшие на этом корабле, между прочим.

Он повернулся к Джейд, и она увидела в его глазах тот самый огонёк, смесь азарта и страха, которая появляется у людей перед лицом смертельной опасности. Так смотрят парашютисты перед прыжком, боятся, но уже предвкушают.

— Мара, если что-то пойдёт не так...

— Не пойдёт, — перебила женщина. — Вы делаете один двигатель и возвращаетесь. Это приказ. У вас пятнадцать минут, запаса достаточно, чтобы справиться с любой неожиданностью. А если не хватит, бросаете всё и возвращаетесь. Двигатель подождёт до следующего окна.

— Если не мы, то кто? — Чен усмехнулся, но тут же посерьёзnel. — Ты сама-то как? Выглядишь так, будто не спала все эти дни.

— Я боюсь, — тихо сказала норвежка, глядя в иллюминатор шлюзового отсека, за которым начиналась бесконечная чернота.

Инженер на мгновение замер, потом кивнул — понимающе, без обычной своей улыбки.

— Это нормально. Страх — это не слабость. Слабость — это когда страх заставляет тебя сдаваться, а мы не сдаёмся. Мы же, блин, «Аврора».

Шлюз открылся с тихим шипением. Это было похоже на рождение — переход из тёплого, освещённого, живого пространства корабля в холодную, абсолютно чёрную пустоту космоса. Две фигуры в белых скафандрах выплыли наружу, и через несколько секунд их тросы натянулись, соединяя с судном, как пуповины, как нити жизни.

Джейд следила за ними по мониторам, вцепившись в край консоли. Камеры на шлемах передавали картинку: металлическая обшивка «Авроры», покрытая инеем и поблёскива-

ющая в свете налобных фонарей, бесконечная чернота вокруг, и где-то на периферии радужное кольцо аккреционного диска, которое сейчас казалось особенно ярким, как огненная арка над входом в преисподнюю.

— Красиво, — прошептал голос Лиама в динамиках. — Жутко, но красиво. Анника, ты как?

— Сосредоточься, — отрезала техник. — У нас четыре часа. Работаем. Один двигатель и обратно. Налюбуйся потом.

— Принято, босс.

Работа началась. Это была ювелирная операция: демонтировать старый двигатель, не повредив крепления; подвести новый, закрепить, подключить кабели, проверить герметичность. Всё это в громоздких скафандрах, в невесомости, под воздействием нестабильного гравитационного поля, которое то ослабевало, то усиливалось, заставляя тросы натягиваться, как струны, готовые лопнуть.

Час прошёл. Второй. Третий.

Помощница капитана не отходила от мониторов. Она видела, как Чен на мгновение замер, не от страха, а от предельной концентрации. Его руки в толстых перчатках двигались с точностью хирурга. Анника работала рядом, и они почти не разговаривали, им не нужно было. Они понимали друг друга без слов, жестами, едва заметными движениями головы в шлеме.

Три часа сорок минут. Три часа пятьдесят.

— Крепления зафиксированы, — доложила финка. — Начинаю подключение кабелей.

— Принято, — ответил Лиам. — Время?

— Сорок минут до конца окна. Запас есть. Двигаемся по графику.

Мара сжимала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Она знала, что сейчас, в этот самый момент, гравитационное поле начинает медленно восстанавливаться. Сначала едва заметно, на доли процента, как прилив, подкрадывающийся к берегу. Потом быстрее. Четыре часа двадцать семь минут — это теоретический предел, но реальность всегда вносит свои коррективы.

Четыре часа пять минут.

— Кабели подключены, — голос Анники звучал ровно, но Джейд услышала в нём нотку удовлетворения. — Начинаю тестирование.

— Принято, — отозвался инженер. — Я проверяю крепления.

Четыре часа десять минут.

На мониторах медленно росли показатели гравитационного поля. Сейчас они были ещё в зелёной зоне, но крайне близко к жёлтой. Пятнадцать минут запаса таяли с каждой секундой, как лёд на солнце.

— Тестирование завершено, — доложила Вейкко. — Двигатель в норме. Можем возвращаться.

— Возвращайтесь, — скомандовала Мара. — Немедленно.

Она видела, как две фигуры в белых скафандрах оттолкнулись от корпуса и поплыли обратно к шлюзу. Тросы натянулись, направляя их движение медленное и плавное, как во сне. Четыре часа пятнадцать минут. Четыре часа восемнадцать.

— Заходим, — голос Чена звучал спокойно, но женщина заметила, как часто он дышит — дыхание сбилось, стало рваным.

Шлюз закрылся. Загорелся зелёный индикатор.

— Они внутри, — доложила София по внутренней связи. — Давление в норме. Живы. Двигатель номер семь заменён.

Джейд закрыла глаза и позволила себе глубокий, прерывистый выдох. Она не заметила, что всё это время стояла, вцепившись в край консоли так, что пальцы онемели. Норвежка разжала руки, на пластике остались влажные следы от ладоней.

— Спасибо, — прошептала она, то ли экипажу, то ли кому-то ещё. Может быть, самой вселенной.

Через несколько минут Лиам и Анника вышли из шлюза. Их лица покраснелись после долгого пребывания в скафандрах, волосы прилипли ко лбу мокрыми прядями, но глаза сияли, как у детей, получивших долгожданный подарок. Инженер стянул перчатки и широко улыбнулся.

— Один готов, — проговорил он, отдуваясь. — Ещё два. Как говорил Лао-цзы: «Путь в тысячу ли начинается с первого шага».

— Два, — кивнула финка, вытирая лоб рукавом комбинезона. — Следующее окно через восемьдесят семь дней. Меняем двигатель номер четыре. Я уже начала расчёты.

Мара подошла к ним и, неожиданно для самой себя, обняла обоих — сначала Аннику, потом Лиаму. Это было нарушением субординации, нарушением её собственных правил, но сейчас ей было всё равно. Плевать на устав. Плевать на протоколы. Они живы, и это главное.

— Вы молодцы, — сказала Джейд, отстраняясь. — Оба. А теперь, отдыхать. Это приказ.

— Есть, капитан, — ответил Чен, и на этот раз он не поправился.

Последующие месяцы слились для Мары в непрерывную череду циклов, одинаковых, как капли воды, и таких же драгоценных. Восемьдесят семь дней подготовки — четыре с половиной часа напряжённой работы и снова восемьдесят семь дней. Это был ритм, похожий на дыхание: вдох, подготовка, выдох, выход в космос и опять вдох. Каждый раз, когда Лиам и Анника выходили за борт, она стояла у мониторов, сжимая кулаки до боли в суставах и считая секунды.

Второй выход, замена четвёртого двигателя, прошёл почти штатно. Почти, потому что на третьем часе работы у инженера забарахлил регулятор температуры в скафандре, и ему пришлось работать в условиях перегрева, обливаясь потом и ругаясь сквозь зубы. Чен закончил смену с температурой тридцать девять и два. Карим отпаивал его регидратационным раствором два часа, прежде чем разрешил встать. Анника в тот раз работала за двоих: молча, сосредоточенно, компенсируя слабость напарника и ни слова не сказала, пока они не вернулись.

Третий выход, замена последнего, второго двигателя, едва не закончился катастрофой. За десять минут до конца окна гравитационное поле неожиданно качнулось и один из ступков аккреционного диска прошёл слишком близко к горизонту, вызвав микровсплеск, резкий и непредсказуемый, как удар молнии. Трос финки натянулся до предела, и она на несколько секунд потеряла контакт с корпусом, беспомощно дёргаясь в пустоте. Лиам поймал её в прямом смысле слова, схватив за страховочный фал и подтянул обратно, потратив на это драгоценные секунды, едва не сорвав собственный трос. Они вернулись в шлюз за три минуты до закрытия окна. Мара, глядя на их бледные, измученные лица, поклялась себе, что больше никогда не пошлёт никого на такой риск.

Но двигатели были заменены, все три и теперь, когда корабль был готов, наступал самый важный этап — подготовка к манёвру.

Месяц за месяцем Джейд наблюдала за тем, как меняется экипаж. Сначала перемены были едва заметными, небольшие, почти неуловимые сдвиги в поведении, в речи, в привычках. Кто-то стал больше молчать. Кто-то наоборот, говорить без умолку, заполняя словами

пустоту, которую оставлял страх. Кто-то начал есть больше обычного. Кто-то забывать о еде, теряя килограммы.

Лиам, вопреки опасениям Карима, держался. Работа над двигателями давала ему цель: осязаемую, конкретную, измеримую, как показания приборов на панели. Он по-прежнему проводил в инженерном отсеке по шестнадцать часов в сутки, но теперь это была не лихорадочная попытка убежать от реальности, а осмысленная подготовка к манёвру. Китаец создал подробнейшую карту всех систем корабля, расписал протоколы на каждый возможный сценарий: отказ любого из контуров или всех сразу, скачок гравитации, падение давления. Провёл с командой десятки тренировок на подобные случаи. Когда кто-то из младших техников впадал в уныние, Чен неизменно оказывался рядом со своей неиссякаемой энергией и верой в технологии.

— Мы справимся, — повторял он с упрямством, которое сначала раздражало, а потом начинало казаться единственным, что удерживает реальность от полного распада. — Чёрная дыра — это просто физика, а физику можно просчитать. А то, что можно просчитать, можно победить.

София просчитывала. Навигатор работала с той же интенсивностью, что и инженер, но по-другому. Если он действовал руками и интуицией, то она чистым интеллектом, холодным и безжалостным, как скальпель. Её модели становились всё сложнее, обрастая новыми переменными, новыми допущениями, новыми сценариями. К концу первого года гречанка построила сорок две модели манёвра, в два раза больше, чем планировалось изначально. Сорок вторая модель показала тридцать четыре процента успеха.

— Тридцать четыре, — сказала она Маре, когда они сидели в конференц-зале, разбирая последние расчёты. — Это на два процента выше, чем было. Мы понемногу отвоёвываем шансы у вселенной.

— Два процента — это мало, — заметила норвежка, потирая уставшие глаза.

— Два процента — это разница между жизнью и смертью, — возразила Камара, и в её обычно бесстрастном голосе промелькнуло что-то, похожее на страсть. — А в нашем положении, два процента это роскошь.

Мара смотрела на неё и думала о том, как сильно ошибаются те, кто считает Софию бесчувственной. Она чувствовала. Просто её чувства были спрятаны глубоко внутри, под слоями логики и расчётов, как вода под толщей льда, но иногда этот лёд давал трещину.

Джаспер изменился сильнее всех. В первые месяцы он пытался держаться за свои шутки, как утопающий держится за соломинку, но постепенно шутки становились всё мрачнее, всё циничнее, пока однажды не исчезли совсем, как будто кто-то повернул выключатель. Он стал молчаливым, замкнутым, и Джейд всё чаще находила его в технических коридорах, сидящим в одиночестве, с серебристым кулоном в руках и застывшим взглядом в пустоту. Однажды она спросила его, что это за кулон. Австралиец долго молчал, прежде чем ответить. Он сидел на полу, привалившись спиной к переборке, и вертел цепочку в пальцах медленно, задумчиво.

— Моя сестра, — сказал он наконец. — Её звали Эшли, она должна была лететь с нами. Пошла отбор, все тесты, комиссии, а за день до старта... — он запнулся и потёр переносицу. — За день до старта она сказала, что не может. Что не хочет бросать Землю. Что лучше умереть дома, чем жить в холоде среди звёзд.

— Ты скучаешь по ней? — тихо спросила Джейд.

— Каждый день, — ответил Кейн, и его пальцы сжали кулон.

Он убрал кулон в карман и поднял глаза на собеседницу. Впервые за долгое время в них не было ни тени шутки, только усталость и что-то ещё, глубокое, запрятанное.

— Знаешь, что самое смешное? Она оказалась права. Земля умерла, но она умерла дома. А мы... мы умрём здесь, в консервной банке, на краю чёрной дыры. Ирония, да? — он криво

усмехнулся. — Я тогда наорал на неё. Сказал, что она трусиха, теперь думаю может, это я трус. Может и мне надо было остаться.

— Мы ещё не умерли, — сказала Мара и её голос прозвучал слишком устало.

— Ещё нет, но уже на пути.

После этого разговора Джаспер словно перешагнул через какой-то внутренний барьер. Он перестал прятаться в коридорах и начал проводить время с экипажем. Не шутил — нет, это ушло, возможно, навсегда, но он стал слушать и это, как ни странно, оказалось ценнее любых шуток.

Кейн обнаружил в себе талант, о котором раньше не подозревал: он умел разговаривать с людьми. Не как Карим — профессионально, по-врачебному, а как друг. Он мог часами сидеть в гидропонном саду с кем-нибудь из младших техников, просто слушая их страхи, их сомнения, их воспоминания о Земле и людям становилось легче.

— Ты был связистом, а стал духовником, — заметил как-то Амин, застав его за разговором с Маркусом.

— Связист, духовник какая разница? — ответил австралиец, пожимая плечами. — И там, и там работа с сигналами. Просто здесь сигналы идут не через антенны, а через слова.

Анника оставалась Анникой. За весь первый год она произнесла едва ли больше пары тысяч слов — меньше, чем некоторые произносили за день, но каждое слово Вейкко было на вес золота. Когда у команды возникала техническая проблема, шли не к Лиаму — шли к ней. Она могла молча посмотреть на схему, провести пальцем по какой-нибудь линии, кивнуть и проблема решалась сама собой, как будто техника слушалась её.

Её отношения с Ченом стали одной из тех вещей, которые Мара наблюдала с молчаливым умилением. Они не были парой в обычном смысле этого слова. Финка, кажется, вообще не воспринимала человеческие отношения так, как их воспринимали другие, но они были командой. Когда Лиам и Анника работали вместе, они двигались как единый организм, понимая друг друга без слов — по дыханию, по движению плеча, по едва заметному кивку. Инженер, со своей потребностью заполнять тишину разговорами, научился ценить молчание техника, а техник, со своей потребностью в тишине, научилась терпеть болтовню инженера.

— Знаешь, что я понял? — сказал как-то Лиам Маре после очередной совместной вахты, вытирая руки ветошью. — Раньше я думал, что молчание — это пустота. Как космос за бортом, ничего нет, и это страшно. Теперь я знаю, молчание — это просто другой язык и Анника говорит на нём лучше всех.

Сама Мара менялась медленнее всех или, возможно, просто не замечала перемен в себе. Она продолжала носить шевроны старшего помощника, не в силах заменить их на капитанские. Она продолжала работать по четырнадцать часов в сутки, несмотря на протесты Карима. Она продолжала перечитывать сообщение Торреса и планшет с его личными записями, который наконец изучила полностью, пытаясь найти ответы на вопросы, которые, возможно, не имели ответов. Но что-то в ней менялось. Невидимо, подспудно, как меняется ландшафт под воздействием медленных геологических процессов. Норвежка стала терпимее к чужим слабостям и к своим собственным. Женщина перестала вздрагивать каждый раз, когда кто-то называл её капитаном. Джейд начала прощать, не Торреса пока, это было слишком сложно, но себя. За то, что не успела сказать ему то, что чувствовала. За то, что не смогла предотвратить его смерть. За то, что иногда, глубокой ночью, когда усталость брала верх, понимала его поступок.

Мара всё ещё не считала себя капитаном, но уже не считала себя просто первым помощником, временно исполняющим обязанности. Она становилась кем-то третьим, кем-то, кого не существовало раньше, кем-то, кто рождался прямо сейчас, в этом металлическом коконе на краю бездны.

Конец первого года они встретили в гидропонном саду, это была идея Джаспера. Он предложил устроить «день Земли» — вечер, когда каждый мог бы рассказать о том, что помнит о доме. Не о миссии, не о системах корабля, не о шансах на спасение. Просто о доме. О том, что осталось за плечами и никогда не вернётся.

Они собрались — все двадцать три человека. Расселись на стеллажах, под светом фитоламп, которые хоть немного напоминали солнце. Они ели настоящую пищу — не рационы, а то, что вырастили здесь же, в саду: помидоры, огурцы, перец, даже немного клубники, которую Анника каким-то чудом вырастила в углу своего технического отсека. Элис Танака, техник-биолог, помогавшая финке с рассадой, сидела на перевёрнутом ящике и что-то негромко обсуждала с Сарой, та кивала, машинально протирая свою губную гармошку, и время от времени вставляла короткие реплики.

Говорили по очереди. Карим — о Каире, об узких улочках старого города, о запахе специй на базаре, о вечернем призыве к молитве, который разносился над городом, как волна. София — об Афинах, об Акрополе, который она видела только на картинках, но который всё равно был частью её, потому что так говорила её бабушка. Лиам — о Шанхае, о неоновых огнях небоскрёбов, о плавучих рынках на реке, о вкусе уличной лапши, которую готовили прямо при тебе. «Дядюшка Ван», лучшая лапша в городе, Чен до сих пор помнил её вкус.

Джаспер — о Сиднее. Об океане. О кенгуру в зоопарке. Он рассказывал, и голос его дрожал, но он не останавливался.

Анника, когда очередь дошла до неё, долго молчала. Все терпеливо ждали, не подгоняя, не торопя. И наконец она сказала — всего три слова, но этих трёх слов было достаточно:

— Я помню снег.

И все поняли. Потому что снег — это было то, чего на «Авроре» не было и никогда не будет. Снег был частью Земли, частью дома, частью того мира, который они потеряли. Белый, холодный, тающий на ладони.

Мара говорила последней. Она рассказала о фьордах — о том, как скалы отражаются в тёмной воде, как кричат чайки над головой, как пахнет солью и водорослями. О том, как в детстве сидела на берегу и смотрела на море, и ей казалось, что мир бесконечен — огромный, необъятный, полный возможностей.

— Я ошибалась, — сказала Джейд. — Мир не бесконечен, но это не значит, что он не прекрасен.

Они просидели в саду до глубокой ночи, до той условной ночи, которую сами себе установили, потому что на корабле не было ни дня, ни ночи, ни утра, ни вечера. Только вечная чернота за иллюминаторами и ритмичный гул систем жизнеобеспечения.

Когда Мара уходила, её остановил Маркус Вебер. Тот самый техник, которого Карим отметил как самого нестабильного, с пограничным состоянием и тихим голосом. Он подошёл к ней несмело, переминаясь с ноги на ногу, и протянул маленький листок бумаги, настоящей бумаги, которую где-то раздобыл.

— Что это? — спросила норвежка.

— Стихи, — ответил Маркус, краснея и отводя взгляд. — Я пишу с недавних пор. Рекомендация Карима. Вот, когда трудно тогда и пишу. Это... это про нас. Про всех нас. Про тех, кто летит в бездну и всё ещё надеется.

Джейд взяла листок и прочитала. Стихи были неуклюжими, с рваным ритмом и несовершенными рифмами, выдававшими неопытного автора, но и она была не испуганным читателем. В них было что-то настоящее, что-то живое, что-то, что не могли передать никакие голограммы.

— Спасибо, — сказала она, аккуратно складывая листок. — Можно я сохраню это?

Маркус кивнул и быстро ушёл, не оборачиваясь, словно испугавшись собственной смелости. Женщина убрала листок в нагрудный карман, туда, где билось сердце, и пошла к себе, писать запись в журнал. Первый год завершён. Впереди неизвестность. Но они всё ещё живы. И это уже было немало.

Запись в бортовой журнал: Конец первого года

Пишет и.о. капитана Мара Джейд.

Год первый завершён. Триста шестьдесят пять стандартных суток с момента захвата. Триста шестьдесят пять дней, которые изменили всё. Когда я пишу эти строки, я сижу в своей каюте. За иллюминатором та же чернота, что и год назад, но теперь она кажется мне не чужой. Она стала частью нашего мира, нашего крошечного мира, зажатого между четырьмя переборками на пороге небытия.

Я помню тот первый день. Помню вой сирены, холодный пол под босыми ногами, запах кордита на мостике. Помню тело Элиаса то, что от него осталось. Помню его сообщение: «Ты справишься. Ты лучше меня».

Тогда эти слова казались мне насмешкой. Сейчас... не знаю. Может быть, он действительно в это верил. Может быть, он видел во мне то, чего я сама в себе не видела.

Я до сих пор не сменила шевроны. Карим говорит, что это форма отрицания. Что я не позволяю себе стать капитаном, потому что это означало бы принять смерть Торреса окончательно. Доктор, наверное, прав — он обычно прав в таких вещах, но я всё равно не готова. Может быть, через год. Может быть, через два. Может быть, никогда...

Но я продолжаю делать то, что должна.

За этот год мы прошли через многое. Три выхода в открытый космос и каждый раз я думала, что моё сердце остановится. Лиам и Анника работали на грани возможного, и я бесконечно благодарна им за мужество. Заменены три маневровых двигателя из восьми, остальные пять пока держатся, но Чен говорит, что к манёвру нужно провести полную диагностику всех систем.

София построила сорок две модели — последняя даёт тридцать четыре процента успеха. Тридцать четыре процента — это мало для спокойствия, но достаточно для надежды.

Но главное открытие она сделала, когда пересчитала параметры самой дыры. Первые данные — те, что мы получили в час катастрофы, — были неточными. Автоматика зафиксировала массу в сорок солнечных, и мы исходили из этого. София перепроверила. Ошибка. Дыра оказалась сверхмассивной — сорок миллионов солнечных. Это значит, что приливные силы нарастают гораздо медленнее, чем мы боялись. Корабль не разорвёт на куски за несколько минут до горизонта. Исхода это не меняет. Но меняет всё — у нас действительно есть десять лет не на спасение, а на жизнь.

Карим провёл полное обследование экипажа. Отчёт лежит у меня на планшете, я изучила его от корки до корки. Мы держимся, но он предупреждает: это пока. Дальше будет труднее.

Джаспер перестал шутить и знаете — я скучаю по его шуткам. Даже по самым глупым, но я понимаю, это было частью его прошлой жизни. Теперь у нас новая жизнь. Другая. В этой новой жизни Кейн научился слушать и это, возможно, важнее любых шуток.

Анника сегодня сказала: «Я помню снег». Три слова, но я не могу вспоминать их без дрожи. Потому что за этими тремя словами — всё, что мы потеряли. Вся наша планета. Вся наша история. Всё, чем мы были.

Сегодня мы собрались в гидропонном саду. Джаспер назвал это «днём Земли». Мы вспоминали. Карим читал стихи на арабском. Лиам плакал, рассказывая о Шанхае. София рассказала об Акрополе, и в её голосе было что-то, чего я никогда раньше не слышала. Тепло? Тоска? Не знаю, но это было прекрасно.

Маркус Вебер — техник из второго отсека, тот самый, которого доктор отметил как самого нестабильного, подарил мне стихи. Неуклюжие, несовершенные, но настоящие. Я

храню этот листок бумаги в нагрудном кармане. Как символ того, что даже в самой глубокой тьме можно создать что-то живое.

Я много думала об Торресе в последние месяцы. Я прочитала все его личные записи. Те, что он оставил в планшете. Те, что не предназначались для чужих глаз. Он был сломлен задолго до того, как чёрная дыра появилась в нашей жизни. Потеря жены и сына сломала его, Элиас просто не показывал этого. Носил свою боль внутри, как яд, и этот яд медленно убивал его. Дыра стала лишь поводом. Последней каплей. Катализатором.

Но теперь я знаю то, чего не знал он. Автоматика ошиблась. Он думал, что корабль разорвёт за часы. Он принял решение, исходя из неверных данных. Если бы у него было то, что есть у нас — знание, что впереди десять лет, может быть, он остался бы. Может быть, нет. Этого уже не узнать, но я больше не виню его за поспешность. Я просто жалею, что он не пересчитал.

Он написал, что любил меня. Я не знаю, что с этим делать. Я не знаю, как пережить признание, которое пришло слишком поздно. Но я знаю одно: я не повторю его путь. Я не дам одиночеству убить меня. У меня есть команда. У меня есть цель. У меня есть шанс — пусть даже такой небольшой.

Впереди второй год. Год решающего манёвра. Год, который покажет, есть ли у нас будущее или мы просто отсрочили неизбежное.

Я боюсь. Но я готова.

Элиас, если ты меня слышишь... где бы ты ни был... хех... говорю уже, как религиозная... знай: я всё ещё злюсь на тебя. Но начинаю понимать. И, возможно, когда-нибудь я смогу простить, а пока — я веду твой корабль дальше.

Мара Джейд.

И.о. капитана «Авроры».

Конец первого года.

Глава 5. Подготовка

Второй год начался не с sireны, не с аварийного сигнала, не с крика. Он начался с тишины. С той самой, которая наступает после того, как всё уже случилось, и остаётся только жить дальше.

Мара проснулась раньше обычного, за три часа до начала утренней вахты. Она лежала в своей каюте, глядя в потолок, и прислушивалась к звукам «Авроры». Гул систем жизнеобеспечения, похожий на дыхание спящего великана. Ритмичный стук гидропонных насосов где-то на нижних палубах. Далёкий, едва слышный рокот реактора, сердце корабля, которое не останавливалось ни на секунду все эти тридцать два года. Корабль жил. Дышал. Ждал.

Прошёл ровно год и один день с момента катастрофы. Год и один день с тех пор, как Элиас Торрес прижал бластер к небу и нажал на спуск. Год и один день с тех пор, как вселенная сжалась до размеров чёрного диска за иллюминатором.

Норвежка села на койке и привычным жестом потянулась к планшету. Проверила сводки: криосекторы — норма, двигатели — норма, системы жизнеобеспечения — норма. Двадцать три человека в бодрствующем состоянии, из них семнадцать — младший состав. Почти двести тысяч в криосне. Чёрная дыра на прежнем месте, стала чуть больше в иллюминаторе. Всё как всегда и всё по-другому.

Джейд встала и подошла к зеркалу. За прошедший год она привыкла к своему отражению: к заострившимся скулам; к седине, которая начала пробиваться на висках, совсем немного, всего несколько нитей, но она их замечала; к постоянным теням под глазами, которые не исчезали даже после восьмичасового сна, предписанного Каримом. Ей было тридцать восемь стандартных лет. Выглядела она... значительно старше.

«Так выглядит человек, который год прожил на краю чёрной дыры», — подумала женщина и тут же поправила себя. — «Так выглядит человек, который год ведёт корабль через бездну».

Разница была существенной, на её взгляд.

Она оделась быстрее обычного. Комбинезон — всё тот же, серый, с нашивкой «Аврора» и знаками различия старшего помощника на воротнике. Мара по-прежнему не сменила их и, кажется, уже сроднилась с этой мыслью. Волосы собрала в тугий узел, не хвост, а именно узел, строгий, почти военный. Сегодня был важный день, и она хотела выглядеть соответственно. Сегодня они начинали подготовку к манёвру.

Не теоретическую, её они вели весь первый год. Не моделирование, этим занималась София, и её моделей уже хватило бы на небольшую библиотеку. Нет. Сегодня начиналась практическая подготовка. Полная диагностика всех систем. Тренировки экипажа. Протоколы действий в нестандартных ситуациях. Всё то, что должно было превратить тридцать четыре процента успеха хотя бы в тридцать пять.

Мостик «Авроры» за прошедший год изменился неуловимо, но заметно для тех, кто проводил здесь каждый день. Кровь Торреса давно отмыли, ещё в первые сутки. Кресло капитана заменили на точно такое же, стандартное, с высокой спинкой и подлокотниками, обитое чёрной синтетической кожей. Мара по-прежнему не садилась в него. Она занимала место за тактическим пультом, или сидела за навигационной консолью, или просто ходила, отдавая распоряжения на ходу. Капитанское кресло оставалось пустым — напоминание, молчаливый укор, вопрос без ответа.

София уже была на месте. Она сидела за навигационной консолью, самой сложной, с тремя голографическими экранами и двенадцатью тактильными панелями. Перед ней медленно вращалась трёхмерная модель системы «Аврора — чёрная дыра», теперь уже не просто

схема, а живая, постоянно обновляющаяся карта гравитационных полей, аккреционных потоков и зон стабильности.

— Ты рано, — сказала Мара, подходя.

— Ты тоже, — ответила Камара, не оборачиваясь, её пальцы скользили по сенсорам, выхватывая данные. — Я пересчитывала модель. Сорок третья. Учла новый фактор — неравномерность аккреционного диска в третьем квадранте. Это может дать нам дополнительные ноль две десятых процента в следующем окне.

— Ноль две десятых, — повторила норвежка. — Это стоит бессонной ночи?

— В нашем положении — да.

Джейд не стала спорить. Она знала этот взгляд — сосредоточенный, почти одержимый. Гречанка работала с той же интенсивностью, что и Лиам, но по-другому. Инженер сублимировал страх в физический труд: ремонт, настройку, тестирование. Навигатор сублимировала его в цифры. Для неё каждая сотая процента была победой над хаосом.

— Расскажешь на общем собрании, — сказала женщина. — Через час. Конференц-зал.

София кивнула, не отрываясь от экрана.

Лиам и Анника пришли в конференц-зал последними — и это было на них не похоже. Обычно инженер и техник появлялись первыми, уже с готовыми схемами и расчётами, но сегодня они задержались, по их лицам было видно — не просто так.

— Прошу прощения за опоздание, — выдохнул Чен, плюхаясь в кресло и машинально потирая плечо. — Проводили диагностику маршевых двигателей. Второй контур охлаждения показал отклонение в ноль три процента от нормы.

— Это критично? — спросила Мара.

— Пока нет, но если отклонение будет расти, может стать проблемой при манёвре. Мы с Анникой предлагаем заменить фильтры охлаждающей жидкости, займёт около двух недель.

— Две недели, — задумчиво произнесла Джейд. — У нас есть запас по времени?

— Да, — ответила Камара, не поднимая глаз от планшета. — До ближайшего окна пятьдесят два дня. Следующее через восемьдесят семь. Мы можем использовать четвёртое окно для тестового включения двигателей, а пятое уже для полноценного манёвра.

— Тогда решено, — кивнула норвежка. — Лиам, Анника — замена фильтров. София — продолжай моделирование. Джаспер...

Она повернулась к связисту, который сидел в углу и что-то чертил в своём планшете, время от времени потирая переносицу.

— Джаспер, что у тебя по внешнему мониторингу?

— Аккреционный диск нестабилен, — ответил австралиец и подняв голову, развенул голограмму. — В третьем и пятом секторах наблюдаются колебания плотности. Это может повлиять на гравитационное поле в ближайшие окна. Я записал все данные и передал Софии.

— Принято, — сказала гречанка, всё так же не отвлекаясь от своей работы. — Я уже учла это в сорок третьей модели.

— А что насчёт сигналов извне? — спросила Мара.

Джаспер покачал головой.

— Ничего. Эфир пуст. Только эхо наших собственных передатчиков. Мы одни, — пожал тот плечами.

В зале повисла тишина. Эту фразу они слышали уже много раз за прошедший год, но каждый раз она звучала как приговор. Мы одни. Во всей Вселенной. Только мы и чёрная дыра.

— Хорошо, — кивнула Джейд, нарушая молчание. — Значит, рассчитываем только на себя.

Карим, сидевший напротив, подался вперёд и сложил руки на столе.

— Мара, прежде чем мы перейдём к техническим деталям, я хотел бы поднять вопрос о моральном состоянии экипажа.

— Слушаю.

— За последний месяц я провёл повторное обследование. Данные... не очень, — доктор вывел на общий экран несколько графиков. — Уровень тревожности вырос на пятнадцать процентов по сравнению с началом года. Случаи нарушения сна на двадцать процентов. У троих членов экипажа наблюдаются признаки клинической депрессии. Маркус Вебер, ты знаешь, на седативных, но они помогают не так, как хотелось бы и ещё... — он замялся, провёл ладонью по бороде.

— Что? — спросила норвежка.

— У двоих членов экипажа я зафиксировал пассивные суицидальные мысли. Они не планируют ничего конкретного, но мысли о смерти как об избавлении присутствуют.

Тишина в зале стала почти осязаемой. Лиам опустил глаза и принялся разглядывать свои руки. София замерла, не донеся пальцы до сенсорной панели. Джаспер перестал чертить в планшете и посмотрел на Карима долгим, тяжёлым взглядом.

— Кто именно? — спросила Мара.

— Ты знаешь, что я не могу раскрывать имена без согласия пациентов, — Амин покачал головой. — Я работаю с ними. Пока ситуация под контролем, однако это тревожный звонок. Очень тревожный.

Женщина медленно кивнула.

— Что ты предлагаешь?

— Усилить психологическую поддержку. Групповые сеансы — раз в неделю. Индивидуальные — по запросу, но я бы рекомендовал обязательный минимум для всех, — врач помолчал и посмотрел прямо на Мару. — И ещё, людям нужна надежда. Не просто цифры и протоколы. Им нужно что-то, во что они могут верить, что-то, ради чего стоит бороться. Я не знаю, что именно, но без этого мы можем не дотянуть даже до манёвра.

Остаток дня Джейд провела, обходя корабль. Это был её ритуал — она выработала его ещё в первые месяцы после катастрофы. Каждые несколько дней Мара проходила через все палубы «Авроры», от мостика до грузовых трюмов: проверяла, разговаривала с людьми, просто ощущала корабль. Торрес делал то же самое, и она переняла эту привычку у него, даже не осознавая этого.

Первая палуба: мостик, конференц-зал, каюты офицерского состава. Всё в порядке.

Вторая палуба: гидропонный сад, медицинский отсек, кают-компания. В саду норвежка задержалась — проверила новые ростки помидоров, которые Элис высадила месяц назад вместе с Анникой. Они проросли — тонкие, бледные, но живые. Жизнь продолжалась, несмотря ни на что.

Третья палуба: жилые отсеки экипажа. Здесь обитали те семнадцать человек, которые не входили в офицерский состав: техники, операторы, специалисты. Женщина постучалась в несколько дверей, перекинулась парой слов, спросила о самочувствии. Ответы были стандартными: «нормально», «держимся», «всё в порядке». Только вот она видела тени под глазами, слышала напряжение в их голосах. Люди устали. Люди боялись.

Четвёртая палуба: медицинский отсек, изолятор, склад медикаментов. Здесь Карим разбирал результаты последних анализов, низко склонившись над терминалом. Мара заглянула к нему, но не стала мешать — он был погружён в работу и даже не заметил её.

Пятая, шестая, седьмая палубы: технические отсеки, реакторный зал, системы жизнеобеспечения. На пятой палубе было тихо. Так тихо, что Мара слышала собственное дыхание. Длинный коридор уходил вдаль, и лампы на потолке зажигались с опозданием, будто нехотя. Здесь никто не жил, эти палубы с самого старта были царством автоматики, и люди заходили сюда только по необходимости. Двери технических отсеков темнели закрытыми проёмами. Она

прошла мимо, и шаги отдались гулким эхом, единственный звук, кроме гула систем. На шестой палубе пахло горячим металлом, здесь работала Анника, как обычно, сидела за терминалом диагностики, она проводила здесь больше времени, чем кто-либо на корабле. Джейд подошла к ней и остановилась за спиной.

— Как фильтры?

— Замена завтра, — ответила финка, не отрываясь от экрана. — Лиам готовит инструменты.

— Отклонение серьёзное? — уточнила всё же женщина.

— Пока нет, но если не заменить сейчас, через месяц другой будет критично.

Мара кивнула. Вейкко всегда говорила коротко и по делу, и в этом была её сила.

— Спасибо тебе, — сказала норвежка. — За всё, что ты делаешь.

Вейкко на мгновение оторвалась от экрана и посмотрела на неё своими светло-голубыми глазами.

— Это мой дом, — спокойно произнесла она. — Я не хочу его терять.

Это была, возможно, самая эмоциональная фраза, которую девушка произнесла за последний месяц и одна из самых честных.

Восьмая, девятая, десятая палубы: грузовые трюмы, криосекторы. Здесь было холоднее, чем в остальных частях корабля, и тише. Мара шла между рядами криокапсул — длинными, уходящими вдаль колоннадами и каждая капсула была, как маленький саркофаг. Почти двести тысяч человек. Почти двести тысяч жизней, приостановленных на середине.

Она остановилась у одной из них. Через прозрачную крышку было видно лицо молодой девушки, почти девочки, с тёмными волосами и спокойным, безмятежным выражением лица. На табличке значилось: «Изабелла Родригес, 19 лет, ботаник, специалист по гидропонным культурам».

Девятнадцать лет. Почти ребёнок. Она легла в криосон с мечтой о новом мире, о зелёных полях и голубом небе, а проснётся — если проснётся — чтобы увидеть чёрную дыру.

Исполняющая обязанности капитана стояла перед капсулой долго. Очень долго.

«Им нужна надежда», — сказал Карим, но что она могла дать им — экипажу, который каждый день смотрел в бездну? Кроме обещания бороться до конца, у неё ничего не было. Она положила ладонь на холодное стекло капсулы.

— Я знаю, ты не слышишь меня, — прошептала женщина. — Но я обещаю: я сделаю всё, что смогу. Всё.

И пошла дальше.

Вечером того же дня Мара сидела в своей каюте и перечитывала записи Торреса. Это тоже стало для неё почти ритуалом — раз в несколько недель открывать планшет погибшего капитана и вчитываться в его заметки. Не из сентиментальности, а из потребности понять.

Она нашла запись, которую раньше не замечала. Она была датирована за три месяца до старта «Авроры» с Земли.

«Сегодня я ходил в зоопарк. Да, звучит глупо — капитан последнего ковчега человечества идёт в зоопарк за три месяца до отлёта, когда каждый час на счету, но я пошёл.

Я смотрел на животных и думал: мы берём с собой образцы ДНК, но мы не можем взять их самих. Не можем взять этот запах — смесь сена, звериной шерсти и чего-то ещё, живого, настоящего. Не можем взять этот живой звук — крики птиц, рычание тигра, плеск воды в бассейне с тюленями. Мы берём с собой человечество, но мы не можем взять с собой Землю.

И я подумал: а правильно ли мы делаем? Имеем ли мы право улететь? Имеем ли мы право оставлять всё это — умирать? Я не знаю ответа, но я знаю, что обратного пути нет».

Норвежка отложила планшет и долго сидела в тишине. Торрес тоже искал надежду. Тоже пытался найти смысл в том, что они делают и не нашёл или нашёл, но недостаточно. Он был хорошим капитаном, но он был одинок и одиночество убило его раньше, чем чёрная дыра.

«Я не повторю его ошибку», — сказала себе Джейд.

Она включила коммуникатор.

— Карим, это Мара. Ты говорил про групповые сеансы. Я хочу, чтобы первый был завтра, и я приду.

Глава 6. Групповой сеанс

Медицинский отсек «Авроры» никогда не был рассчитан на групповую терапию. Когда корабль проектировали на орбитальных верфях Земли, его создатели исходили из предположения, что двадцать четыре члена бодрствующего экипажа — это профессионалы высочайшего уровня, прошедшие многолетнюю психологическую подготовку и способные справляться со стрессом самостоятельно. Максимум, что предусматривалось — индивидуальные консультации с бортовым врачом, и то в случае крайней необходимости. Никто не предполагал, что этим профессионалам придётся провести десять лет в гравитационном захвате чёрной дыры. Никто не предполагал, что капитан застрелится в первые часы катастрофы. Никто не предполагал, что групповые сеансы психологической поддержки могут стать такой же рутинной, как проверка систем жизнеобеспечения.

Карим Амин, впрочем, подошёл к делу со свойственной ему обстоятельностью. Он переоборудовал реабилитационную зону медицинского отсека, ту самую, где обычно проходили посткриогенное восстановление, в некое подобие терапевтического пространства. Убрал медицинские кушетки и диагностические мониторы, заменив их обычными стульями, расставленными кругом. В центре поставил небольшой столик с графином синтетической воды и стаканами. На стены повесил голографические репродукции земных пейзажей. Он включал их по очереди, чтобы создать у людей иллюзию открытого пространства, которого им так не хватало в металлических коридорах.

Сегодня на голограммах был луг. Зелёный, бескрайний, с жёлтыми пятнами цветущих одуванчиков и синей полоской неба на горизонте. Настоящая Земля — не та, мёртвая, оставшаяся в десятках световых лет, а та, из снов, из воспоминаний, из детства. В углу голограммы ветер слегка колыхал траву, едва заметно, но достаточно, чтобы создать ощущение жизни.

Джейд вошла первой. Она специально пришла за пятнадцать минут до начала, чтобы освоиться, привыкнуть к пространству. При виде голографического луга норвежка замерла на пороге, её рука сама собой потянулась к дверному косяку, пальцы сжали холодный металл. Запахло чем-то... нет, не запахло, конечно, вентиляция «Авроры» не умела имитировать запахи, но ей показалось, что она чувствует аромат скошенной травы. Тёплой, летней, нагретой солнцем. Женщина тряхнула головой, отгоняя наваждение, и вошла. Она не любила групповые мероприятия. Она вообще не любила быть среди людей без чётко определённой цели: совещания, брифинга, оперативного плана. Просто сидеть в кругу и говорить о чувствах казалось ей чем-то противоестественным, почти неприличным, как стоять голой перед незнакомцами. Но Мара обещала Кариму и обещала себе.

Доктор уже был там — проверял расстановку стульев, хотя расставлять их было не нужно: полукруг был идеально ровным, Карим постарался, поправлял их на миллиметр-другой, и Мара поняла, что тот волнуется. Волнуется не меньше, чем она сама.

— Ты рано, — сказал Амин, оборачиваясь, и его бородатое лицо осветилось тёплой улыбкой.

— Ты тоже.

— Я всегда рано. Это моя работа, — врач жестом пригласил её садиться. — Выбирай любое место. Сегодня нет субординации. Только круг.

Джейд выбрала стул ближе к двери — не из страха, а из привычки всегда держать выход в поле зрения. Старая военная привычка, вьёвшаяся в подкорку за двенадцать лет службы. Женщина села, положила руки на колени, потом убрала их, скрестила на груди, потом снова опустила. Поймала себя на мысли, что нервно постукивает носком ботинка по полу, и заставила себя замереть.

— Сколько человек будет? — спросила она.

— Все, кто захочет. Я разослал приглашение, но обязательки нет. Групповая терапия работает только тогда, когда люди приходят добровольно.

— А если никто не придёт?

— Придут, — Карим налил себе стакан воды из графина, сделал глоток. — За год я достаточно изучил наш экипаж, им нужно выговориться. Просто они пока об этом не знают.

Первым из офицеров пришёл Лиам. Инженер вошёл своей обычной стремительной походкой, но у двери резко замедлился. Оглядел зал, голографический луг на стенах, круг стульев и его лицо на мгновение стало растерянным, почти детским. Он провёл ладонью по взъерошенным волосам, отчего они встали дыбом ещё больше.

— Ух ты, — воскликнул инженер. — А я думал, тут будут кушетки. Как у психоаналитиков в старых фильмах. Знаете, ложишься так, смотришь в потолок, а он тебе: «Расскажите о своей матери».

— Кушетки остались в прошлом веке, — отозвался Карим, и в его голосе промелькнула смешинка. — Садись, Лиам. Выбирай любое место.

Чен выбрал стул напротив Мары. Сел, сложил руки на коленях, потом убрал их, потянулся к графину, налил себе воды, сделал глоток, поставил стакан обратно, снова сложил руки. Его обычная энергия, такая уместная в техническом отсеке, здесь казалась избыточной, почти лихорадочной. Мара видела, как его пальцы выбивают дробь по колену — быстро, нервно.

— Я никогда не был на групповой терапии, — признался он внезапно. — В Шанхае это было не очень принято. Моя бабушка говорила: «Лиам, не выноси сор из избы». А на флоте...

— На флоте принято всё держать в себе, пока не взорвёшься, — закончил доктор. — Я знаю. Поэтому мы здесь.

Следом пришла София. Навигатор, как всегда, двигалась бесшумно, казалось, она не шла, а скользила. Она замерла в дверях, и её острый взгляд обвёл зал: стулья, голограммы, лица. Мара заметила, как на мгновение задержался взгляд Камары на луговых цветах. Что-то дрогнуло в её лице, едва уловимо, как рябь на воде и тут же исчезло.

Гречанка не выглядела удивлённой или неловкой. София просто оценила обстановку, кивнула Кариму, выбрала место между Лиамом и дверью и села, выпрямив спину так, будто находилась на официальном приёме, а не на групповой терапии на обречённом корабле.

— Голограммы — хорошая идея, — сказала она ровным голосом. — Луг. Он настоящий или синтезированный?

— Настоящий, — ответил Амин. — Снято в Альпах за два года до старта. Один из последних архивов Европейского географического общества.

— Хорошо, — навигатор чуть склонила голову, рассматривая изображение. — Фальшивка была бы заметна. У синтезированных изображений неправильная текстура травы на среднем плане. Слишком однородная.

Джейд усмехнулась про себя. София оставалась Софией, даже на краю чёрной дыры она оценивала точность данных. В этой оценке было что-то почти трогательное, как будто точность голограммы была для неё якорем, чем-то, за что можно уцепиться в мире, который рушился.

Джаспер пришёл четвёртым. Он вошёл медленно, почти вяло, но Мара заметила перемены: синяки под глазами почти исчезли, плечи распрямились. Он больше не выглядел, как человек, который не спит неделями, но пальцы всё ещё теребили цепочку серебристого кулона, спрятанного под комбинезоном — привычный жест, которого парень, кажется, даже не осознавал.

Кейн выбрал стул рядом с Марой. Сел, откинулся на спинку, вытянул ноги, потом снова подобрал их. Провёл ладонью по лицу, жест усталости, ставший привычным.

— Привет, капитан, — сказал он тихо.

— Привет, Джаспер, — кивнула ему Джейд и её голос показался ей слишком натянутым.

— Ты как?

Норвежка хотела ответить стандартное «нормально», но что-то остановило. Может быть, этот луг на стенах. Может быть, искренность, которая уже начала разливаться в воздухе.

— Волнуюсь, — честно сказала она.

Австралиец кивнул, как будто это был самый правильный ответ.

— И я, — он вытащил кулон из-под комбинезона, повертел в пальцах, спрятал обратно. — Но, знаешь, это даже приятно. Давно я не волновался из-за того, что не связано со смертью.

Анника пришла последней — и это было неожиданностью. Мара думала, что техник вообще не появится. Вейкко избегала групповых мероприятий так же, как избегала лишних слов. В столовой девушка всегда садилась в углу, спиной к стене. На совещаниях стояла у двери, готовая уйти в любой момент. Даже сейчас, входя в зал, она двигалась так, будто каждое движение требовало от неё сознательного усилия: шаг, остановка, взгляд по сторонам, ещё шаг.

Но она пришла. Вошла своим обычным бесшумным шагом, села на самый дальний стул, в углу, и замерла, глядя прямо перед собой. Руки легли на колени ладонями вниз — спокойно, неподвижно. Только большой палец правой руки ритмично постукивал по колену: раз-два-три, раз-два-три. Она считала. Или успокаивала себя. Или и то, и другое.

Карим посмотрел на Аннику, встретился с ней взглядом и чуть заметно кивнул — не как врач пациенту, а как человек человеку. «Я рад, что ты здесь». Финка не ответила, но её палец перестал стучать.

Доктор дождался, пока все рассядутся, и начал. Он не встал, остался сидеть, чуть подавшись вперёд, положив руки на колени.

— Прежде всего, спасибо, что пришли, — произнёс он, и его голос звучал иначе, чем на совещаниях: мягче, теплее, без командирских ноток. — Это не военный брифинг и не техническое совещание. Здесь нет правильных и неправильных ответов. Здесь нет субординации. Есть только мы — люди, которые оказались в очень трудной ситуации и пытаются с ней справиться.

Он сделал паузу, обвёл взглядом круг. Никто не отвёл глаз, даже Анника.

— Я знаю, что многим из вас трудно. Я вижу это каждый день — как врач и как человек. Я вижу это по вашим лицам, по тому, как вы едите, как вы спите, как вы смотрите в иллюминатор. Я знаю, что мы все устали. Знаю, что некоторые из вас уже не верят в спасение, — его взгляд на мгновение задержался на Софии, потом на Джаспере. — Это нормально. Это человеческая реакция на нечеловеческие обстоятельства.

— Что ты предлагаешь? — спросила Камара, и в её голосе не было ни вызова, ни скептицизма, просто желание понять.

Она наклонилась вперёд, и это движение было таким непривычным для всегда сдержанной навигатора, что Мара заметила его сразу.

— Я предлагаю говорить, — Амин развёл руками, и этот жест был почти извиняющимся, как будто он просил прощения за то, что предлагает такую простую вещь. — Просто говорить. О том, что вы чувствуете. О том, чего боитесь. О том, что помните. О том, на что надеетесь. Не для протокола. Не для отчёта. Для себя и для тех, кто сидит рядом.

— Это поможет? — спросил Джаспер.

Его рука снова потянулась к кулону, пальцы сомкнулись на серебряной цепочке. Голос прозвучал хрипло, он откашлялся. В его глазах мелькнуло что-то, что Мара не видела в них с момента катастрофы. Надежда? Или отчаянное желание поверить?

— Поможет, — твёрдо сказал Карим. — Не решит проблему чёрной дыры. Не заменит расчёты Софии или ремонт Лиамы. Но поможет нам остаться людьми. А это — самое важное, что у нас есть.

В зале повисла тишина, но это была не та напряжённая тишина, что царила на совещаниях. Это была тишина ожидания, как перед грозой, когда воздух сгущается и всё замирает в предчувствии.

Лиам поёрзал на стуле. Потом ещё раз. Потом резко выдохнул так, будто перед прыжком в воду.

— Я хочу начать первым, — сказал он.

Все повернулись к нему. Мара увидела, как удивлённо приподнялась бровь Софии, как Джаспер перестал теребить кулон, как Анника чуть наклонила голову — её обычный жест внимания.

— Я... — Чен осёкся и рассмеялся, нервно, коротко, совсем на себя не похоже. — Чёрт. Я думал, будет легче. Я репетировал. В душе. Как дурак.

— Ты не дурак, — мягко сказал Карим. — И репетировать не нужно. Просто начни. С любого слова.

Инженер глубоко вздохнул и сцепил руки в замок — Мара заметила, как напряглись пальцы

— Вы все знаете меня как оптимиста, — начал он с нервной усмешкой. — Как человека, который всегда говорит «мы справимся». Который улыбается и шутит даже тогда, когда всё идёт к чертям и это правда — я всегда так говорю. Я так думаю. Я правда верю, что мы найдём выход. Но...

Инженер замолчал. Тишина висела долгой, тягучей паузой. Мара заметила, как Лиам перевёл взгляд на голографический луг и задержал его там, на колышущейся траве. Его кадык дрогнул, он сглотнул.

— Но есть и обратная сторона, — продолжил китаец наконец, и голос его стал ниже, глуше. — Каждую ночь, когда я ложусь спать, я вижу одно и то же. Шанхай. Мой дом. Улицу, на которой я вырос — старый квартал, там ещё пахло жареным маслом и специями. Маленькую лапшичную на углу — «дядюшка Ван», он готовил лучшую лапшу в городе, я не преувеличиваю, я проверял, я объездил полмира и не нашёл ничего похожего.

Инженер говорил, и его руки ожили, они рисовали в воздухе улицу, лавку, дымящиеся миски.

— И моих родителей. Они стоят на пороге нашего дома и машут мне. Отец держит маму за плечи... у неё всегда слабые колени, она не могла долго стоять, и они улыбаются. Они всегда улыбались, даже когда было трудно, а я улетаю от них в небо, и они становятся всё меньше и меньше, и меньше...

Его голос дрогнул и сорвался. Лиам замолчал и закрыл лицо ладонями — не театрально, а как-то по-детски, будто прячась от мира. Его плечи затряслись. Мара услышала, как он судорожно втягивает воздух сквозь пальцы.

Джаспер отвёл взгляд. София замерла. Анника перестала дышать, её палец застыл на полпути к колену. А Карим просто сидел и ждал. Он не бросался утешать — он знал, что иногда слова должны выйти сами.

— Они не прошли отбор, — выдавил Чен, отнимая руки от лица, его глаза покраснели, но он не вытирал их. — Ни по возрасту, ни по здоровью. Отец сказал: «Сынок, это твой шанс. Лети. Мы будем смотреть на звёзды и знать, что ты там». А мама просто плакала. Молча. Она всегда плакала молча, чтобы не расстраивать нас.

Он снова замолчал, уставившись в пол. Его руки безвольно лежали на коленях, ладонями вверх — жест капитуляции.

— Я не рассказывал это никому, — сказал он тихо. — Потому что я — оптимист. Потому что я — инженер. Потому что моя работа — чинить вещи, а не плакать. Я не имею права расклеиваться. Если я расклеюсь, кто будет чинить корабль? Но иногда... — его голос снова

дрогнул. — Иногда я просыпаюсь среди ночи и не могу дышать. Как будто чёрная дыра уже здесь, уже затянула меня, и нет никакого выхода. Как будто я уже умер, а они... они остались там, на Земле, и даже не знают, что со мной случилось.

Говоривший замолчал и опустил голову. Его плечи опустились, с них будто свалилась невидимая тяжесть.

Карим дал тишине побыть ещё несколько секунд. Потом поднялся, медленно, без резких движений, — подошёл к Лиаму и просто положил руку ему на плечо. Не как врач, как друг.

— Спасибо, Лиам, — сказал он. — Это было смело.

— Смело? — переспросил инженер, поднимая глаза, его лицо было мокрым, но он уже не прятался. — Мне кажется, я просто расплакался перед всеми как ребёнок.

— Именно это и есть смелость, — доктор сжал его плечо и отпустил. — Показать свою уязвимость труднее, чем починить двигатель. Ты знаешь это и теперь мы все это знаем.

Амин вернулся на своё место и обвёл взглядом круг.

— Кто хочет следующим?

Повисла пауза, долгая, наполненная. Не неловкая, а какая-то задумчивая, как будто слова Лиама всё ещё висели в воздухе, и каждый примерял их к себе.

София пошевелилась. Сначала Мара заметила, как её рука скользнула по ткани комбинезона — нервный жест, которого она никогда раньше не замечала у навигатора. Потом Камара подняла руку. Формально, как на уроке, жест, что был как характеристика гречанки. Джейд увидела, что её пальцы чуть дрожат.

— Я хочу сказать, — произнесла Камара своим обычным ровным голосом, но что-то в нём изменилось: он звучал на тон выше, на полтона напряжённее. — Потому что я, вероятно, та, кого здесь понимают меньше всего.

Джаспер перестал теревить кулон. Анника чуть повернула голову в сторону навигатора.

— Вы все считаете меня холодной, — продолжала гречанка. — Бесчувственной. Машинной для расчётов, — она говорила это не обвиняя, а констатируя, но в её голосе проскользнула нотка, которую Мара не смогла сразу распознать. Горечь? Усталость? — Я знаю это. Я слышала, как меня называют «ледяной королевой». Да, Джаспер, я слышала, и не надо извиняться, — говорившая выставила ладонь, останавливая его попытку возразить. — Это не оскорбление... это утверждение факта. Я действительно редко показываю эмоции.

Навигатор замолчала. Её пальцы, лежащие на коленях, сжались в кулаки — медленно, почти незаметно. Мара заметила, как напряглись суставы.

— Но то, что я не показываю эмоций, — сглотнув, продолжила София, — не означает, что я их не испытываю, — Камара говорила медленно, тщательно подбирая слова, как будто каждое стоило ей усилия. — Когда капитан Торрес умер... я не плакала. Я не кричала. Я не била кулаками в стену, как, наверное, хотелось бы. Я молча просчитывала траекторию падения. Это то, что я умею. Это то, что я делаю. Но внутри...

Она подняла руку и прижала ладонь к груди — к тому месту, где билось сердце. Жест был таким неожиданно человеческим, что у Мары сжалось горло.

— Внутри у меня была пустыня. Выжженная. Мёртвая. Я чувствовала себя так, будто что-то вырвали из меня с корнем, но я не могла понять, что именно и до сих пор не могу, — говорившая опустила руку, кулаки на коленях разжались, пальцы распрямились, легли плоско. — Это не отсутствие чувств. Это... неспособность их выразить. Это другое.

— Алекситимия, — тихо сказал Карим.

София кивнула. Её губы дрогнули, то ли попытка улыбнуться, то ли попытка сдержать что-то другое.

— Вы знаете. Конечно, вы знаете. Вы — врач, — она перевела дыхание. — Это не болезнь. Это особенность. Я родилась такой. В детстве я не понимала, почему другие дети плачут или смеются над тем, что мне кажется обычным. Почему моя мама обижалась, когда я

не реагировала на её объятия, — Камара оторвала взгляд от своих рук и посмотрела на голограмму луга. — Я научилась жить с этим. Научилась имитировать реакции, которые от меня ждут. Улыбаться, когда нужно улыбаться. Хмуриться, когда нужно хмуриться. Это как... как носить маску, и маска стала моим лицом.

Навигатор замолчала. Её взгляд всё ещё был прикован к лугу, к колышущейся траве, к жёлтым пятнам одуванчиков.

— Но сейчас...

Её голос дрогнул. Впервые. Мара, да и остальные сидевшие полукругом не верили своим ушам.

— Сейчас мне впервые в жизни хочется плакать... кричать... по-настоящему, — продолжила говорить София. — Не потому что так положено, не потому что этого ждут, а потому что мне больно. Мне настолько больно, что я не могу дышать. И я не могу. Я просто не могу заплакать, — она замолчала и подняла взгляд к потолку, крепко зажмурившись. — Это как стоять за стеклянной стеной и видеть, как мир рушится, но не иметь возможности коснуться его. Кричать и не слышать собственного голоса.

Камара замолчала. Её руки снова сжались в кулаки, но теперь она прижимала их к груди, как будто пыталась удержать что-то, что рвалось наружу.

Лиам, который всё это время сидел, вытирая глаза рукавом, вдруг потянулся к ней. Медленно, осторожно, как к дикому животному, которое может испугаться. Его ладонь легла на плечо Софии, легко, едва касаясь. Навигатор вздрогнула. Замерла. Но не отёрнулась.

— Ты не одна за этой стеной, — сказал Чен тихо. — Мы тоже здесь. Просто чуть ближе к выходу.

Никто не засмеялся. Шутка была слишком серьёзной для смеха. Но София медленно, очень медленно подняла свою руку и накрыла ею ладонь Лиамы. Всего на секунду и этого было достаточно.

— Спасибо, София, — сказал Карим, глаза у него блестели от влаги. — Это было важно. И для тебя, и для всех нас.

После Софии тишина стала другой — мягче, глубже. Как будто первые два признания пробили брешь в невидимой стене, разделявшей людей, и теперь через эту брешь сочилось что-то: тепло, свет, нежность.

Джаспер потянулся к графину, налил себе воды, сделал глоток. Его рука заметно дрожала.

— Я, — произнесла Анника.

Это было так неожиданно, что Джаспер поперхнулся и закашлялся. Лиам уронил руку с плеча Софии. Даже Карим, казалось, на мгновение потерял своё профессиональное спокойствие. Анника никогда не заговаривала первой. Никогда.

Она сидела в своём углу, прямая как струна, и смотрела на голографический луг. Её большой палец снова начал отбивать ритм по колену — раз-два-три, раз-два-три.

— Я хочу рассказать, почему я молчу, — сказала она, голос звучал ровно, но очень тихо, так тихо, что Маре пришлось податься вперёд, чтобы расслышать. — Это не потому, что мне нечего сказать. Это потому, что слов слишком много.

Она замолчала. Джейд и остальные ожидали, что на этом всё и закончится. Анника часто ограничивалась одной фразой, но Вейкко продолжила, и каждое слово выходило из неё с усилием, как будто она вытаскивала гвозди из дерева.

— Когда я была маленькой, я говорила. Много. Слишком много. Мама рассказывала, что я начала говорить раньше, чем ходить. Я могла болтать часами, обо всём подряд: о птицах, о звёздах, о том, как работает тостер, — она запнулась, и Мара увидела, как уголок её губ дрогнул то ли в улыбке, то ли в гримасе. — Но людям это не нравилось. Они говорили: «Тише, Анника.

Успокойся. Не кричи. Не говори так быстро. Не говори так много. Помолчи хоть минуту». И я научилась. Я научилась молчать. Сначала минуту. Потом час. Потом день.

Финка перевела дыхание. Её руки, лежащие на коленях, перевернулись ладонями вверх — жест открытости, которого Мара никогда у неё не видела.

— Это было трудно. Очень трудно. Потому что внутри меня слова продолжали расти. Они накапливались, как вода за плотиной, но я не выпускала их и со временем я привыкла. Я научилась молчать так хорошо, что теперь мне трудно перестать.

Вейкко подняла глаза и посмотрела на свои руки — тонкие, с длинными пальцами, с ввевшейся технической смазкой под ногтями. Техник потёрла один палец другим — привычный жест, который Мара видела сотни раз, но теперь он приобрёл новый смысл.

— Но здесь, на Авроре, молчание — не проблема. Здесь никто не говорит мне «успокойся». Здесь я могу просто быть. Делать свою работу. Слушать корабль. И этого достаточно. — девушка помолчала. — Почти.

Говорившая подняла глаза на Карима, потом перевела взгляд на Мару, потом — на всех остальных и в её светло-голубых глазах женщина увидела что-то, что редко там появлялось. Страх? Или надежду? Или и то, и другое?

— Почти, — повторила Анника. — Потому что иногда я думаю: что, если мы умрём? Что, если чёрная дыра поглотит нас, и никто так и не узнает, что я хотела сказать? Что, если все мои слова — все те слова, которые я копила годами, — останутся здесь, внутри меня, и растворятся вместе с кораблём? Это...

Техник замолчала. Её руки сжались в кулаки. А потом она сделала то, чего никто никогда не видел ранее за ней: Анника Вейкко ударила кулаком по колену — один раз, резко, отчаянно.

— Это страшно! — выкрикнула девушка, и её голос сорвался. — Это очень, очень страшно!

В зале стало тихо — так тихо, что Мара слышала собственное сердцебиение. Анника замерла, будто испугавшись собственного крика. Медленно, очень медленно она разжала кулаки и снова положила руки на колени, ладонями вниз. Её дыхание сбилось — она дышала часто и неглубоко, как после бега.

— Вот, — почти прошептала девушка. — Я сказала.

Карим встал. Не быстро, не резко — плавно, как поднимается солнце. Он подошёл к Аннике, не вплотную, на расстоянии вытянутой руки, давая ей пространство, и опустился на корточки, чтобы его глаза оказались на одном уровне с её глазами.

— Этого достаточно, Анника, — сказал он. — Больше, чем достаточно. Ты слышишь? Ты сказала. Ты разбила плотину. И мы услышали. Мы все услышали.

Финка посмотрела на него. Потом на свои руки. Потом — медленно, очень медленно — её губы раздвинулись в улыбке. Неловкой, неуверенной, кривоватой. Но это была настоящая улыбка.

— Спасибо, — прошептала она.

Карим кивнул и вернулся на своё место. Анника снова замерла, глядя на голографический луг, но что-то в ней изменилось: плечи чуть опустились, пальцы перестали отбивать ритм.

Джаспер заговорил без приглашения. Он просто начал, глядя не на кого-то конкретного, а куда-то в пол, в точку между стульями, где не было ничего, кроме серого металлического покрытия. Его голос звучал глухо, будто через толщу воды.

— Я не видел сестру перед отлётом, — сказал он, его рука привычно потянулась к кулону, вытащила его из-под комбинезона, пальцы сжали серебристый кружок. — Ну, то есть видел в последний раз, за день до старта, но не попрощался. Не по-настоящему. Я был зол. Очень зол. Она прошла все тесты, все отборы, все медицинские комиссии — она была лучшей из нашей группы, я не преувеличиваю. Её взяли бы на любой корабль, на любую миссию, а в последний момент она сказала: «Я остаюсь».

Он замолчал. Пальцы сжимали кулон так сильно, что побелели суставы. Мара видела, как пульсирует жилка на его виске.

— Я орал на неё, — продолжил он тише. — Кричал. Сказал, что она дура. Сказал, что она предаёт семью, предаёт меня, предаёт всё, ради чего мы работали. Сказал... — парень запнулся и провёл ладонью по лицу, растирая глаза — резко, почти грубо. — Я сказал, что видеть её не хочу... что она для меня умерла в тот день.

Джаспер замолчал. В зале повисла такая тишина, что Маре казалось — она слышит, как бьётся его сердце.

— Я не должен был этого говорить, — прошептал он. — Это было самое худшее, что я мог сказать. Самое жестокое. Я понял это в ту же секунду, как слова вылетели. Увидел её лицо, — Кейн поднял глаза и посмотрел прямо перед собой, но взгляд был отсутствующим, устремлённым в прошлое. — Она не заплакала. Эшли никогда не плакала, она была сильнее меня, но что-то в её глазах... погасло. Как будто я выключил свет. Как будто я убил что-то живое внутри неё.

Парень открыл кулон. Внутри была крошечная голограмма — двое детей, веснушчатые, смеются на пляже. Мара увидела, как по лицу Джаспера пробежала тень улыбки — и тут же исчезла, смытая новой волной боли.

— Эшли дала мне это в день отлёта, — сказал австралиец. — Пришла в мою каюту. Я не хотел открывать дверь. Слышал, как она стучит, но не открывал. Думал, уйдёт, а она стояла и стояла — час, два, я не знаю сколько. Когда я наконец открыл, она молча вложила кулон мне в ладонь, сжала мои пальцы вокруг него и ушла. Даже не посмотрела. А я... я швырнул его в угол каюты, забыл. Нашёл уже на орбите, когда разбирал вещи. Сидел, смотрел на эту голограмму и плакал. Впервые с детства

Кейн захлопнул кулон и сжал его в кулаке. Его плечи тряслись, он плакал, беззвучно, не вытирая слёз. Они катились по его веснушчатым щекам и капали на серый комбинезон.

— Она была права, — выдавил Джаспер. — Земля умерла, но она умерла дома. А мы... мы летим к звёздам, которых никогда не достигнем. Я не знаю, кто из нас сделал правильный выбор. Может быть, она. Может быть, я. Может быть, никто.

Он поднял голову и посмотрел на Карима. Его лицо было мокрым, глаза красными, но он не отводил взгляда.

— Ты думаешь о ней? — спросил доктор мягко.

— Каждый день, — парень разжал кулак и посмотрел на кулон в своей ладони, маленький серебристый кружок, в котором поместилась целая жизнь. — Каждую ночь перед сном я открываю его и говорю: «Прости, Эшли. Я был дураком. Я был последним дураком». А потом закрываю и пытаюсь уснуть. Иногда получается. Чаще нет.

Говоривший убрал кулон обратно под комбинезон и прижал ладонь к груди, туда, где он лежал. Его пальцы чуть заметно дрожали.

— Я никому этого не рассказывал, — сказал он. — Думал, что если расскажу, станет только хуже. Что слова сделают это настоящим. А пока я молчу — это как будто не совсем правда. Глупо, да?

— Нет, — мягко произнёс Карим, он покачал головой медленно, тяжело. — Не глупо. По-человечески.

Джаспер кивнул, не поднимая глаз. Его ладонь всё ещё была прижата к груди, туда, где под тканью комбинезона лежал кулон с голограммой сестры.

Мара смотрела на него и впервые за всё время увидела не шутника, не связиста, не человека, который прячется за маской иронии. Она увидела мальчика, который потерял сестру. Который накричал на неё перед разлукой и теперь нёс эту вину через всю галактику, через десятки световых лет пустоты, через бездну, у которой нет конца.

— Она простила тебя, — вдруг сказала Анника.

Все повернулись к ней. Техник всё ещё сидела в своём углу, но теперь её глаза были устремлены прямо на Джаспера — не мимо, не сквозь, а прямо на него.

— Что? — переспросил он, поднимая голову, его голос дрогнул.

— Твоя сестра. Она простила тебя, — голос Вейкко звучал тихо, но уверенно, так же, как когда девушка докладывала о состоянии систем корабля. — Эшли дала тебе кулон. Она пришла к твоей двери и ждала — час, два, ты сам сказал. Она не стала бы этого делать, если бы не простила. Люди не ждут под дверью тех, кого не простили.

Джаспер смотрел на неё долго, очень долго. Его лицо менялось — недоверие, надежда, боль, снова надежда. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но не смог. Просто сидел и смотрел на Аннику, а она смотрела на него не отводя глаз, не прячась. Потом он улыбнулся. Слабо, едва заметно, дрожащими губами, но это была настоящая улыбка.

— Спасибо, Анника, — прошептал он. — Спасибо.

Финка кивнула, коротко, один раз и снова перевела взгляд на голограмму луга.

Карим посмотрел на Мару.

Норвежка знала, что этот момент наступит. Знала, что после всех признаний, после всех откровений — Лиам с его родителями, Софии с её стеклянной стеной, Анники с её запертыми словами, Джаспера с его сестрой — очередь неизбежно дойдёт до неё, но всё равно оказалась не готова. Её ладони вспотели; Джейд вытерла их о колени, но это не помогло. Сердце колотилось где-то в горле.

— Мара? — мягко произнёс Карим. — Ты хочешь что-нибудь сказать?

Женщина хотела отказаться. Слова уже вертелись на языке: «Я в порядке, давайте сосредоточимся на других». Старая привычка, ввевшаяся в подкорку за двенадцать лет службы. Капитан не показывает слабости. Командир не плачет. Лидер держит удар. Но что-то удержало её. Может быть, красные глаза Лиамы — он всё ещё вытирал их рукавом, не стесняясь. Может быть, сутулые плечи Джаспера — он до сих пор прижимал ладонь к груди, там, где лежал кулон сестры. Может быть, тот факт, что даже Анника, молчаливая Анника, смогла найти слова и даже ударила кулаком по колену от избытка чувств. Если они смогли — почему она не может?

Мара набрала воздуха. Выдохнула. Её пальцы коснулись серебристых знаков различия на воротнике — привычный жест, Джейд ловила себя на нём всё чаще и чаще.

— Я... — начала она и остановилась.

Тишина была полной, но не давящей. Никто не торопил. Лиам перестал тереть глаза. Джаспер оторвал ладонь от груди. София подалась вперёд на своём стуле, на какой-то ничтожный сантиметр, но норвежка заметила. Анника просто смотрела на неё своими светло-голубыми глазами, и в них было что-то, чего никто никогда раньше не замечал. Понимание? Поддержка? Что-то родственное.

— Я не сменила знаки различия, — сказала Мара, и её голос прозвучал глухо, сама не узнала его. — Вы все знаете это. Вы видите это каждый день. Вот эти шевроны старшего помощника у меня на воротнике, — женщина коснулась пальцами холодного металла. — И вы, наверное, думаете, что это просто формальность. Что это не важно. Что это просто нашивка.

Мара Джейд замолчала. Её пальцы всё ещё сжимали знак различия.

— Это важно, — сказала женщина тише. — Для меня — это самое важное. Важнее, чем двигатели, чем манёвры, чем расчёты Софии. Потому что сменить эти шевроны означает признать. Признать, что Торрес мёртв. Окончательно. Бесповоротно. Что он не вернётся, не встанет с кресла, не скажет своим низким голосом с этим его испанским акцентом: «Мара, я беру командование на себя, можешь отдохнуть».

Помощница капитана оторвала пальцы от знаков различия и сжала руки в замок на коленях. Суставы хрустнули.

— Я всё ещё жду его, — сказала она. — Каждое утро, когда я захожу на мостик, я на секунду задерживаю дыхание. Я ожидаю увидеть его там. В капитанском кресле. С этой его полуулыбкой. С чашкой кофе в руке... он всегда пил кофе перед вахтой, вы знали? Крепкий, чёрный, без сахара. Он говорил, что сахар — для слабаков, — женщина усмехнулась, дрожащей, невесёлой усмешкой. — И я... я не могу перестать ждать. Год прошёл, а я всё ещё жду. Каждое утро.

Она разжала руки и снова сжала их. Её ногти впились в ладони — она почувствовала боль и была благодарна ей. Боль возвращала в реальность.

— Я любила его, — сказала Мара.

Эти слова повисли в воздухе. Простые. Тихие. Окончательные. Джейд никогда не проносила их вслух. Даже себе. Даже в пустой каюте, глядя на голографического Ван Гога над койкой.

— Я любила его двенадцать лет. С первого года на «Копье». С того момента, как он вошёл в отсек — молодой, красивый, уверенный, чёрные волосы, седина на висках, — и сказал: «Кто здесь старший помощник? Мне сказали, что у меня будет лучший помощник во всём флоте». Я тогда подумала: «Какой самоуверенный тип», — норвежка усмехнулась, но усмешка тут же погасла. — А потом... потом я узнала его. Узнала, каким он был на самом деле. Не просто командиром — человеком. С его страхами. С его болью. С его одиночеством. Я видела, как он смотрит на звёзды, когда думает, что никто не видит. Я слышала, как он говорит во сне — зовёт жену, зовёт сына. Я знала его. Я знала его лучше, чем кто-либо... и полюбила.

Её пальцы разжались. Женщина подняла руки и прижала ладони к лицу — не чтобы спрятаться, а чтобы удержать что-то внутри, что-то, что грозило вырваться наружу.

— Я никогда не говорила ему. Ни разу. Двенадцать лет — и ни разу! Я говорила себе: «Не сейчас. Не время. Он капитан, я помощник. Это неправильно. Это нарушение субординации. Скажу потом, когда всё закончится, когда мы долетим, когда...» — Джейд всхлипнула. — Все эти «когда». Все эти чёртовы «когда», а теперь он мёртв...

Мара опустила руки. Её лицо было мокрым, но она не вытирала слёз. Они текли по щекам, капали на серый комбинезон, оставляя тёмные пятна на ткани. Ей было всё равно.

— Он оставил мне сообщение на планшете, — продолжила женщина глухо. — Я нашла его через несколько месяцев после катастрофы. Личное сообщение. Не официальное... то, официальное, было коротким, формальным, а это... это было другое. Он написал, что тоже любил меня. Что я была для него светом. Что он был слишком труслив, чтобы сказать об этом, — Мара всхлипнула снова, и её плечи затряслись. — Мы оба были трусливы. Мы оба ждали. Двенадцать лет ждали, а теперь он мёртв, а я сижу здесь и говорю вам это, а ему уже никогда не скажу. Никогда...

Женщина замолчала, её плечи тряслись, она не пыталась сдерживаться, сил не осталось.

— Ты говорил, что Торрес был одинок, — заговорила вновь норвежка, поднимая глаза на Карима. — Что он нёс всё в себе. Что одиночество убило его. Я помню каждое твоё слово, — Джейд обвела взглядом круг людей — Лиамы с его всё ещё красными глазами, Софию с её стеклянной стеной, Джаспера с кулоном сестры под комбинезоном, Аннику с её прорванной плотиной. — Я не повторю его путь. Я не могу. Я не хочу. Поэтому я здесь. Поэтому я говорю это вам. Потому что я больше не хочу быть одна.

Говорившая замолчала. В зале стояла такая тишина, что было слышно, как вода капает в гидропонном саду тремя палубами ниже. Карим встал. Медленно, торжественно — как встают не перед пациентом, а перед кем-то, кто только что совершил самый трудный поступок в своей жизни.

— Ты не одна, Мара, — проговорил он своим мягким голосом, от которого сразу становилось легче. — Ты слышишь? Ты не одна.

Амин подошёл к ней и опустился на колени, как перед Анникой несколькими минутами раньше. Взял её руки в свои — тёплые, большие, надёжные. От него пахло антисептиком и чем-то ещё, может быть, тем самым чаем с мятой, который он заваривал в медотсеке.

— Ты не одна, — повторил врач. — И ты не Торрес. Ты здесь. Ты говоришь. Ты чувствуешь. Ты позволяешь нам быть рядом. Этого достаточно. Этого более чем достаточно.

Лиам встал. Просто встал, подошёл к Маре и положил руку ей на плечо, как до этого положил на плечо Софии. Ничего не сказал. Слова были не нужны. Его ладонь была тёплой и слегка шершавой от вьёвшейся технической смазки.

София поднялась следом. Она не касалась Мары, она всё ещё не умела этого делать, прикосновения всё ещё были для неё чужим языком, но она встала рядом. Ближе, чем обычно. Нарушив свою собственную невидимую границу. Просто стояла. Просто была.

Джаспер, всё ещё сжимая кулон под комбинезоном, подошёл и встал за спиной Карима. Его лицо было мокрым, но он улыбался — слабо, дрожаще, но улыбался. Настоящей улыбкой, не маской.

И Анника. Анника, которая никогда ни к кому не прикасалась, встала со своего стула в углу, подошла медленно, неуверенно. Остановилась в шаге от Мары. Замерла, как будто решала сложнейшее уравнение. Потом, после долгой, бесконечной паузы, протянула руку и коснулась её плеча — легко, едва ощутимо, как крыло бабочки. И тут же отёрнула, словно обжёгшись. Но этого было достаточно. Этого было более чем достаточно.

Мара закрыла глаза. Слёзы текли по её лицу она больше не пыталась их остановить, не хотела останавливать.

— Спасибо, — прошептала женщина. — Спасибо вам всем.

Остаток сеанса прошёл иначе — легче, свободнее. Как будто после того, как главные слова были сказаны, воздух в зале стал чище. Люди задышали глубже. Расправили плечи. Кто-то потянулся к графину с водой, кто-то откинулся на спинку стула.

Карим обвёл взглядом круг и улыбнулся — открыто, тепло, без обычной врачебной сдержанности.

— Я хочу, чтобы мы закончили этот сеанс кое-чем другим, — сказал он. — Мы много говорили о страхах. О боли. О потерях. Это было нужно. Это было важно, но теперь я прошу каждого из вас рассказать о том, что помогает вам держаться. О том, на чём вы стоите. О том, ради чего вы встаёте по утрам. Это может быть что угодно. Человек. Воспоминание. Привычка. Надежда.

Он повернулся к Лиаму.

— Лиам, начнёшь?

Инженер вытер нос рукавом и слабо улыбнулся.

— Работа, — сказал он просто. — Когда я работаю, я забываю. Когда я держу в руках инструмент, когда я вижу, как схема оживает под моими пальцами, вселенная становится меньше. Она помещается в мои ладони и тогда я не боюсь. Пока я могу чинить — я жив.

София, когда очередь дошла до неё, задумалась на мгновение. Её пальцы легко постукивали по подлокотнику.

— Цифры, — сказала она очевидное. — Уравнения. Модели. Они не лгут. Они могут ошибаться, но они не лгут, — навигатор секунду помолчала. — И ещё... когда я вижу, что модель показывает нам шанс, пусть даже тридцать четыре процента — это значит, что шанс существует. Это не иллюзия. Это факт. А факты — это то, на чём я стою. Это моя земля.

Анника не стала ждать, пока её спросят. Она просто тихо заговорила, но уже без прежнего напряжения, без борьбы за каждое слово.

— Тишина, — сказала девушка. — Ночью, когда все спят, я сижу в техническом отсеке и слушаю корабль. Он говорит со мной. Не словами — гулом систем, ритмом насосов, вибрацией переборки. Я понимаю его и пока он говорит — я знаю, что мы живы.

Джаспер достал кулон и положил его на ладонь — маленький серебристый кружок, тёплый от тела.

— Память, — уверенно произнёс парень. — Каждую ночь я открываю его и вижу лицо сестры. Это больно. Очень больно, — Кейн сжал кулон в кулаке. — Но это и помогает. Потому что пока я помню её — она жива. Пока я помню Землю — она не умерла окончательно. Мы — последние, кто помнит и пока мы помним — всё это было не зря.

Мара, когда все взгляды обратились к ней, не стала отводить глаза. Норвежка всё ещё чувствовала влагу на щеках, но уже не стыдилась её.

— Кристофсулы, — сказала она. — Почти двести тысяч человек. Они спят и не знают, что мы здесь, на краю чёрной дыры. Они доверили нам свои жизни. Девушка по имени Изабелла Родригес — ей девятнадцать, она ботаник, она мечтает выращивать цветы на новой планете. — Джейд перевела дыхание. — Я не знаю, проснутся ли они когда-нибудь, но пока они спят — я должна бороться. Потому что я обещала. Я обещала им всем, что мы сделаем всё, что сможем и я не могу их подвести, — женщина помолчала и добавила тише. — И вы. Вы все. То, что вы здесь. То, что вы говорили сегодня. То, что вы были честны. Это тоже помогает. Это помогает больше, чем вы думаете.

Карим обвёл взглядом круг, и Мара увидела, что в его глазах уже блестят слёзы. Он не вытирал их.

— Спасибо, — сказал Амин. — Спасибо всем вам. За честность. За смелость. За то, что вы здесь.

После сеанса они не разошлись сразу. Стояли в коридоре возле медицинского отсека, прислонившись к стенам, переминаясь с ноги на ногу, не зная, как завершить этот вечер. Лиам выдохнул, длинно, со свистом, будто сдувал воздух из лёгких.

— Это было... — начал он и осёкся, покрутил рукой в воздухе, подбирая слово. — Я не знаю, как описать... Как будто я снял скафандр, после долгого выхода в космос и могу дышать.

— Странно? — предположил Джаспер.

Связист стоял, прислонившись спиной к переборке, и вертел в пальцах свой кулон — медленно, задумчиво.

— Да, но в хорошем смысле странно, — Чен потянулся, хрустнул суставами. — Я думал, будет хуже. Думал, что если я расклеюсь перед всеми, то перестану себя уважать, а вышло наоборот.

— Я чувствую то же самое, — проговорила София.

Все повернулись к ней. Навигатор стояла чуть поодаль, скрестив руки на груди, и смотрела куда-то в конец коридора, где мигала лампа аварийного освещения, медленно и ритмично.

— Что? — она пожала плечами, непривычный, почти человеческий жест. — Я тоже человек. Иногда.

Джаспер фыркнул. Лиам расхохотался: громко, искренне, заливисто, и этот смех был как глоток свежего воздуха после долгого затворничества. Анника, стоявшая у стены, издала короткий, сдавленный звук, не то смешок, не то всхлип, но Мара заметила, что её губы дрогнули в улыбке.

— Мы все — сломанные люди, — сказал вдруг Джаспер, перестав смеяться. Он посмотрел на кулон в своей руке, потом на остальных. — Карим сказал это однажды, и я запомнил. Сломанные вещи, если их правильно починить, становятся крепче целых. Может, мы и есть такие? Сломанные вещи, которые учатся чинить друг друга?

— Может быть, — согласно кивнула Мара и позволила уголкам губ приподняться. — Я надеюсь на это.

Норвежка посмотрела на свой экипаж — на этих пятерых людей, которые только что обнажили перед ней свои души так же, как она обнажила свою. Лиам — инженер, который плачет по ночам, но улыбается днём. София — навигатор, которая не умеет плакать, но чув-

ствует глубже многих. Анника — техник, которая боится, что её слова умрут вместе с ней, и всё же нашла в себе силы говорить. Джаспер — связист, который каждую ночь просит прощения у сестры, но не теряет способности улыбаться. Карим — врач, который держит их всех на плаву, не зная, кто держит его самого. И она. Мара. Женщина, которая любила и не сказала, которая до сих пор носит чужие знаки различия. Которая только сегодня, здесь, в кругу этих людей, впервые почувствовала, что, возможно, она действительно капитан.

— Завтра продолжаем подготовку к манёвру, — сказала Джейд, и её голос звучал иначе, твёрже, увереннее. — У нас ещё много работы. Но сегодня... — она помолчала. — Сегодня я хочу сказать вам спасибо. За то, что вы есть. За то, что вы здесь. За то, что вы не сдаётесь.

— Есть, капитан, — сказал Лиам и откозырнул ей.

— Есть, — эхом отозвался Джаспер и повторил жест китайца.

София кивнула. Анника моргнула два раза, медленно, как сова. Но Мара уже знала, что это значит. Это значило «да».

Они разошлись по каютам, и коридор опустел. Мара уже повернулась, чтобы уйти, когда заметила кое-что странное. Дверь в реабилитационную зону, где проходил сеанс, была открыта чуть шире, чем когда они выходили. Сантиметра на два. Она могла поклясться, что закрывала её плотнее.

В коридоре никого не было. Только слабый запах машинного масла, такой бывает в технических отсеках после долгой смены.

Джейд постояла секунду, глядя в пустой коридор, потом покачала головой и пошла к себе.

Ночью норвежка лежала в своей каюте и смотрела в потолок. Голографический Ван Гог мерцал над койкой — «Звёздная ночь», которую подарила сестра. Звёзды на картине закручивались в спирали, и ей показалось, что она видит в них отражение аккреционного диска, такое же огненное, такое же неумолимое, но сегодня это зрелище не пугало её. Сегодня оно казалось почти красивым.

Джейд думала о том, что сказали все остальные. О Лиаме и его родителях, оставшихся в Шанхае — он всё ещё машет им рукой каждую ночь. О Софии и её стеклянной стене — может быть, сегодня в ней появилась первая трещина. О Джаспере и его сестре — он просит у неё прощения каждую ночь, и, может быть, она слышит. Об Аннике и её словах — они вырвались наружу, и теперь их уже не загнать обратно. И о себе. О Торресе. О знаках различия. О любви, которая осталась невысказанной.

«Я не повторю его путь».

Это было обещание. Не Торресу — он уже не мог его услышать. Себе. Тем, кто сидел сегодня в кругу. Тем, кто спал в криосекторах. Тем, кто ещё мог проснуться.

Женщина закрыла глаза. За иллюминатором, невидимая, но вездесущая, висела чёрная дыра. Она всё так же тянула их к себе — медленно, неотвратно. Но теперь Мара чувствовала, что у неё есть противовес. Не двигатели. Не расчёты Софии. Не молитвы, которые она не умела произносить. Люди. Живые, сломанные, чинящие друг друга люди.

Она заснула без снов. Просто — темнота, но темнота тёплая, успокаивающая, как колыбель.

Глава 7. Тестовое включение

По

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.